

✓

СМЕНА

3 1962

«...Идеи становятся силой, когда они овладевают массами».

В. И. ЛЕНИН

«...Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

В. И. ЛЕНИН

«...Наша Социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами».

В. И. ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

3 ФЕВРАЛЬ
1962

Год издания тридцать девятый

Когда-то у Тани Шуриной была заветная мечта — посвятить жизнь родному краю, разрабатке его природных богатств. А край этот действительно богатый — на Суоуманских приисках у долины Магарана добывают золото.

Таня уехала из родного поселка и вернулась сюда через пять лет с дипломом выпускницы института цветных металлов и золота. Мечта девушки сбылась: Таня стала техником-обогадителем плаучей фабрики золота.

Недавно в ее жизни произошло еще одно радостное событие — ее избрали внештатным секретарем Суоуманского района комсомола.

На снимке: Татьяна Шуриной.

Фото Ю. МУРАВИНА и Е. КАСИНА.

Близится 16 апреля 1962 года — день открытия очередного XIV съезда ВЛКСМ, который наметит конкретный план участия молодежи в выполнении предначертаний партии. Жизнь выдвигает немало проблем, которые волнуют юношей и девушек. Здесь и народнохозяйственные проблемы, и культурные, и комсомольские. Обо всем этом «Смена» начинает разговор под рубрикой «В блокнот делегату XIV съезда ВЛКСМ».

ПОЛЕНА ПРЕМЕ

Почему промолчал комитет?

Кладбище обычно наводит на грустные размышления. Но недавно мне пришлось побывать на кладбище, которое вызвало во мне возмущение и гнев.

И шел по полю колхоза имени XXI съезда КПСС, что на Аутовщине. Грошница, вылая то лириво, то влево, вела меня от центральной усадьбы колхоза на полевой стай. И вдруг, свернув немного в сторону, я увидел такую картину: прямо на мне валялся почти новенький культиватор, рядом с ним в зарослях пшеницы чернела садовая сеялка. А немного поодаль лежала, распластавшись, заброшенная борова и дружокорпусный плуг...

Вотгание прямо в землю лопы культиватора покрывался крапивою, красна на рычагах обрубалась, прицепное приспособление сеялки вросло в землю, в бугорках колосолась просрощенная пшеница, а комеса, видно, еще по весне, замезан в грязь до самых ступиц. Так и стоят машины...

А рядом бежит грошница, по которой каждый день ходят на полевой стай ребята и девочки. Ходят, не тревожась...

Мне могут возразить: мол, частный случай. Что ж, я расскажу еще об одном кладбище машин в совхозе «Приморский», Ростовской области. Я попал в этот совхоз в декабре, когда с моря дул теплый ветер и в леба слышался противный, медленный дождь вверхешку со сиемом. Вдоль дороги, по которой и ехал, стояли десятки машин: сеялки, культиваторы, рассадодоспашочные машины, зерноуборочные комбайны, тракторы. Ни над одной из них не было даже простейшего навеса!

Вот комбайн СКЗ-3а. Сложная и дорогая машина. Немало он потрудился в предвесенских степях. Не одна тысяча пудов зерна прошла через его бункер и отпиривалась на элеваторы. А теперь он врос в грязь, стоит на спущенной резине. По полозью транспортера ручьем бежит вода. Дефицитные цепи заржавели. Не снять, не положить в кладовую и ножи жатки. Они вымыли из строя. Могучий стеной корабля медленно умирал, разрушался!

Рядом стоял совершенно раскрытый трактор «С-8». Прямо на двигателе падала хлопья мотилого снега. Струны стоготемателя повнуры опутались самой землей...

Страшная картина разрушений! Путешествуя по Краснодарскому, Ставропольскому краям, по Украине, я не раз встречался на таких кладбищах машин. Тек самых машин, которые были сработаны рабочими, перевыполнявшими планы, чтобы облегчить труд людей! Тек самых машин, которые могли бы еще не один год работать на полях, селлах, молотях, жат. На таких кладбищах лежат миллионы рублей!

Недавно у нас в стране было «сплано» около ста драдматек трех тысяч тракторов и шестидесят тысяч зерновых комбайнов. Чтобы воспользоваться только выброшенными на кладбища тракторы, таким заводом, как Милский и Владимирский, надо работать полным ходом несколько лет.

Я вспоминаю новую партийную Программу, в которой сказано: «Сельское хозяйство будет приближаться к уровню промышленности по технической вооруженности... Сельскохозяйственный труд превратится в разновидность промышленного труда».

Это значит, что с каждым годом на колхозные поля будет приходить все больше и больше техники. Но мало получить технику. Надо еще ее и полностью использовать, сберечь.

Так почему же варварское отношение к сельскохозяйственной технике не вызвало не только жала в совхозе «Приморский», но даже не было обсуждено ни на заседаниях комитета ВЛКСМ, ни на комсомольском собрании? Почему?

Указ Президиума Верховного Совета СССР установил полную ответственность за преступно-небрежное использование сельскохозяйственной техники. Но ведь это не означает, что комсомольские организации могут теперь споконно впаривать на развешение сельскохозяйственной машины вусуль-де или прокурор занимаются. Думается, что сельским комсомольцам необходимо малейший факт неуважения к технике выносить на суд общественности, так, как это делается на большинстве наших промышленных предприятий.

ставимо: мол, всякий труд почетен. А что мне до такого почта — девки концы зарывали. А ведь в школе меня на садовода готовили,— продолжал поутру Виктор.— Только садоводов за три года она выкулат почти сто человек и в этом году еще числится тридцать даск. Колхозу же и четвертой части их не нужно. Ме-

ханизаторы нужны. А школа все печет и печет садовода. Вот и осталось мне с колхозушкой ходить.

Невольно напрашивается вопрос: сторож со средним образованием — не роскошь ли это даже для наших дней? И потом, почему же колхоз не потребовал от школы подготовки именно тех специалистов, в которых он нуждался? И не пришла ли наконец пора сельским школам узаконить планы производственного обучения с конкретными нуждами колхозов? Сколько хороших механизаторов они могли бы подготовить, сколько пользы принесли бы они своим родным хозяйствам!

Вызывает изумление и другой факт, с которым я столкнулся на Херсонской областной станции юных техников. Она, по идее ее создатели, должна руководить техническими кружками на селе. Просторный и светлый зал этой станции был заставлен самыми возможными моделями. Здесь было все: и миниатюрные самоуправляемые корабли, и изящные спортивно-летящие, и легкомысленные планеры, и стрелительно-космические ракеты — все, — кроме моделей сельскохозяйственных машин! И это в Херсонской области — одной из богатейших житниц Украины, где большинство ребят живет в сельской местности. А ведь через два-три года эти подрастающие должны будут встать за руль валов комбайнов и тракторов, уметь обращаться с донными установками и другой электроаппаратурой в колхозе.

Однако работники Херсонской станции не хотят думать об этом. Любовь к самолетам, кораблям, ракетам они, видимо, считают гораздо важнее, чем воспитание интереса к сельскохозяйственным машинам. А разве строить модели комбайнов, тракторов, сельскохозяйственных машин менее интересно, чем мастерить модели кораблей?

Сторож... со средним образованием

Как-то глубокой ночью я приехал в кубанский колхоз «Советская Россия». Тиньку нарушила только мерное постукивание колхозушки колхозного сторожа. Я пошел на ступ, предвзвучивая встречу с седобородами стариком, чья паша хранит все старинные истории — от царя Горюха до наших дней. Но предвстает мое удивление, когда из темноты навстрочу выступил здоровенный молодой парен. Это был Виктор Гольмань, недавний выпускник средней школы.

— Люблю работу ты себе подобрали, — усмехнулся я.

— Есмь бы сам выбирал... — в сердцах чертыхнулся Виктор в темноту. — Начальство по-

— А В ДАЛЕКО

Может быть, Херсонская область лишь исключение? Нет. Мне пришлось познакомиться с такой же станцией в Полтаве. Здесь та же картина: корабли, самолеты, космические ракеты... Совсем люди собрались навсегда покинуть нашу грешную землю. Я не против космических кораблей и самолетов. Но нельзя же пренебрегать делами земными, интересами села!

Комсомолец не раз выступал у нас в стране за привлечение многих сельских дел. Они поднимали целину, работали на новостройках Сибири, Казахстана, Алтаевого Востока. Честь и слава им, освоявшим необжитые пространства! Но не пора ли обратить самое пристальное внимание на, может быть, менее романтичное, но не менее важное дело — на овладение сельскохозяйственной техникой и ее бережливости?

У сельского комсомола есть все возможности, чтобы взять это в свои руки. Ведь в селах страны трудятся более двух миллионов юношей и девушек, имеющих среднее образование. Это большая культурная сила. Она-то и должна сказать свое веское слово.

Потерянная квалификация

Заместитель заведующего отделом комсомольских органов Херсонского обкома комсомола Сергей Буров с горечью говорил мне о работе на животноводческих фермах в село уехали около восьми тысяч комсомольцев. И вот, поди же ты, пять тысяч сбегали. Вернулся слова в город.

Еще более удручающие цифры сообщила мне начальник отдела училищ механизации Главного управления профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР Наталья Викторовна Кавантарева.

— За последние годы мы обучили более 600 тысяч человек. Цифра вроде не малая, скажи. Но что от нее останется, если учесть, что за это же время 547 тысяч (!) механизаторов ушли из деревни в город...

Почему же не остаются в колхозах и совхозах механизаторы?

В Херсоне я разыскал одного из таких ферзетиров. Девушку зовут Валя Чеберт. Она слесарь. Недавно вернулась из Скандского района.

— Когда я пришла в колхоз, — рассказывала она, — мне все там показавалось привычным: где стаяк, как у нас на заводе, машины — тракторы, комбайны, подъемники, доильные установки. И до чего же красивое место! В общем, лучше и искать нечего.

Но на другой же день Валя ждала «сюрприза»: ее послали убирать солому. Потом она обрезала ботву на свекле. А позже пристроилась сторожем у амбаров. Когда Валя стала protestовать, мол, я окончила десятилетку, имею специальность слесаря, — председатель колхоза сказал:

— Вот и хорошо, что грамотная, знает, слушать на дежурстве не будешь, книжечку почитаешь. А за книжку и прелесть быстро летит...

Месца три Валя была сторожем, но в конце концов добилась перевода на ферму дояркой.

— Ферма механизированная — кругом машины. Сидно в свой же пол валя. Я думала, конечно, мой мигтарство. Но мне это только показалось, — говорила с горечью Валя. — В колхозе я потеряла квалификацию. Препятствую в разнорабочую. Ведь доярки-механизаторы даже разряда не имеют. Здесь всякому заведуют: что год работаешь, что десло — цена тебе одна! И так не только с доярками. Возьмите механизаторов, итчииков — то же самое. Работают на сложных машинах. И все равно они считаются вроде как бы подсобниками, разнорабочими.

И тут я вспомнил слова знаитого животноводца Ивана Качанова, сказавшие мне как-то с трибуны Пленума ЦК ВЛКСМ:

— Меня называют свилярем. А какой же я свиляри! Наша ферма полностью механизирована, я имею дело с машинами, должен знать основы ветеринарии, химии. Прелкий свилярь не знаа и деслой доля того, что считается знать мне.

Как глубоко прав Качанов! Содержание многих сельскохозяйственных работ меняется на наших глазах, а вместе с этим поспешно отживают и старые их названия. Возьмите хотя бы название другой должности — «скотник». Что-то барски-пренебрежительно слышится в этом слове. Вспоминается времена, когда скотником мог быть любой деревенский житеаь. А в наши дни, чтобы быть квалифицированным «скотником», надо учиться.

Или доярка... Было время, когда эта профессия считалась самой немудреной на селе. Современная же доярка управляет сложными машинами. Изменилось содержание работы и техникой и итчиики, и полведов. Так вместе с техникой на село пришла новая специальность, не менее серьезная, чем существуют на заводах. Так почему же, как и в промышленности, не установить разрядов для этих специалистов? Скажем, животновод третьего разряда, второго, первого механизатор третьего разряда, второго, первого? А для особо заслуженных труженников села, может быть, стоит ввести высшие знания: мастер-помощод, мастер-животновод, мастер-итчиик.

Следует сказать и о другой, но не менее важной стороне дела. Так же, как и в промышленности, необходимо учитывать эти разряды при оплате труда. Скажем, животновод первого разряда должен получить больше, чем животновод с третьим разрядом (или классом). Это, безусловно, создало бы хороший стимул для повышения знаний, а значит, и для лучшего использования сельскохозяйственной техники, для приближения труда в поле, на ферме к труду рабочего в цехе. А ведь именно к этому зовут Программа КПСС.

* * *

Через два месца в Москве собирается XIV съезд комсомола, который намечает широкий план участия молодежи в великом строительстве коммунизма. Думается, что поднятые здесь вопросы обязательно должны быть в центре внимания этого широкого форума советской молодежи.

Новоселье

Без вина,
Но не без веселья,
Чем теплым и покусидим
Мы отпрядивали позорские
Под брезентового шпалткой.

Грели руки над чахлым паром,
Кто-то вспоминал о чешском пиве,
А пилатку качало, как парус,
В непогоду
В чужом заливе.

То ли просто нам показалось,
То ли все же случалось это,
Что земля вместе с нами качалась
Под тяжестью и цешким ветром.

И, как на море, бился скакани
В зной туман в штормовых раскатах,
В сползании да вора портянки
Мы и вправду сродни шпиратом.

Только разве что без мушкетер
И непадике на наживу.
В нашей партии трою позтов,
К ним отпустилось терпеливо.

Наши тени ходят город,
Не скажут, что они тихи.
Здесь поют постройт город
И шапнуто о нем стихи.

А когда зазвонит в апраме
Город юного метерияне,
Будут петь в нем
На новоселье
Песни нашего сочинения.

Мы же с гордостью,
Но без спеси
За окривавшей асей бригадой
Соберемся за новой песней
В новый город, который надо
Нам сначала еще постройти.

Пишет женщина О войне

Юлия Друничов

Даже сна смутены,
Даже сна солома,
Страшно и имени неадинг.
Этой женщине снится пожары войны,
Эта женщина пишет стихи о войне.

Этой женщине верат фронтовики,
Верят больше, чем верят жене,—
Эта женщина с ними ходила в шпалтки,
Эта женщина пишет стихи о войне.

Почему что война забират мужчик,
И тогда после боа страшнее адрвоин.
Эта женщина не замечат морщин,
Эта женщина пишет стихи о войне.

Грохот боа опять будоражит строкы,
И батровая мечется теь на стене,
Эта женщина ночью и днем лачку,
Эта женщина пишет стихи о войне.

Трудно женщине прошлое ворошить,
Если прошло это
И в крови
И в огне.

Чтобы войтам не быть,
Чтобы войны забыть,
Эта женщина пишет стихи о войне.

Без четверти пять Трубников встали, будто его окатили холодной водой, перемахнули через спящую Надежду Петровну, натянул одежду, ополоснулся под рукомойником и, сунув босые ноги в валенки, двинулся в обычный обход. День опять обещал быть жарким. Навысоке солнце уже пригрело землю, и росистая трава не была студеной, лишь приятно прохладной. Как подошла сеноуборка, установившая сузак, жаркая, бездомовладка. Иной раз погромывало, край неба чуть мутился далекой тучей, но грозы проносило стороной.

Когда Трубников подошел к первой избе, ударила гоним, возвращаясь побуже. Но негромким председателем стук в стенио все же надежной. Трубников не уходил, покаца в расплывающемся окопе не покочка заслонились лицо хозяина или хозяйки. Так он прошел все деревню из конца в конец и уже повернул домой, когда ему поместрился Павел Маркушев, бригадир второй бригады. У конюшечек было два обширных луга, на дальнем — разнотравье, на ближнем — клевера, там и работала Бригада Маркушевых. Уже приступили к стогованию, и Трубников рассчитывал, что дня через три, если не поведает погода, сеноуборка будет завершена.

Павел Маркушев, бывший сапер, глава колхозных плетников, совсем еще молодой, стройный, сероглазый парень, нравился Трубниковым чертами, высоким лицом, всегдашней подтянутостью и юношеской способностью краснеть по любому поводу.

Павел Маркушев, улыбаясь и краснея, спросил:

— Так как же насчет моего дела, Егор Афанасьич?

С неделю назад Павел расплакался с турганской младшей Надей, но свадьба все откладывалась, из-за сеноуборки.

— Дело у тебя сейчас одно — сано стоговать! — сердито отозвался Трубников.

Гумилец Павла расцвел еще ярче, он хотел что-то сказать, но председатель уже покчался снину. Вернувшись домой, Трубников в сенах ощутил тепло ошмыганй печи. Надежда Петровна, чистая, прибранная, по-утреннему свежая, завала сеноуборку старым селогом. Пока сеноубор поест, поедомет Трубников обуется, поберег его, напоит чаем, накормит. Трубников радовался почти каменной точности своей домашней жизни. Только так и успевать что-то сделать.

— Нигде такого нет, чтобы председатель сам колхозников обходил! — замолчала Надежда Петровна, забывая пену в тазике для бритья.

Трубников задумчиво посмотрел на нее и не ответил. Только, позавтракав, встали из-за стола, в окно покчался Маркушев. У него не вышли на работу двое: Мотя Постникова и Евдокия Трубникова.

— Что так?

— Нешто их разберешь...

Мотя Постникова жила ближе, с нее нечужо. Средних лет цветущая женщина, с густыми соборными бровями в одну черту, встретила Трубникова так, будто он к ней в гости покчаловал.

Юрий НАГИБИН

— Милости просим, Егор Афанасьич, прости, не убралой Кабы раньше звать!

— Не мелятешись! — остановил ее Трубников. — Отчего второй день на работу не выходишь? Мотя бросила возмущенный взгляд на бригадира, Павел сердито покраснел.

— По-божески! — спросила она Трубникова.

— Тот жиннул.

— Лучше я вам по-перниному скажу... Саника у меня опросилась. И, понимаше, пропало у ней молоко... От Мотя веваю откровенным лукавством и сваяной бодортью человека, которому все нипочем.

— Что же молчал! Прислали бы вренера.

— На соорзиана, глупая голова. Я их сама молочком из бутылки отпавляю. Верши, целные сутки гала в коммунал!

— Ну, а тебе? Мотя сделала плаксивое лицо и махнула рукой.

— Подведем-ка взглянем! — Да чего смотреть-то! — радостно сказала Мотя. — Сейчас порядок: все, как один, из санки сосут!

— Коль так, ступай за граблям. Мы подождем.

— Да Егор Афанасьич! — всплеснула руками Мотя, словно она поражена недогадливостью председателя, так и не взявшего в толк, что выйти ей на работу никак невозможно.

— На базар все равно не лущу. Ясно! — И Трубников вышел из избы.

Понты тотчас за ним последовали: Мотя с красной и оскорбленной до глубины души.

— Знаете, чего она мне шепнула! Зачем председателю намаловалась, а бы тебе на свадьбу четверть вина выставить!

— Вот чертова баба!

— Егор Афанасьич! — помолчав, просительно сказал Маркушев. — Молодцы все-таки разреши-те сегодня сыграть!

— Эх тебе размазывает! Уберем сено — гуляйте на здоровье.

— Так ведь у брата отпуск кончается! Коль не лощу, а ему завтра азыграть. Урал все-таки...

— Не время сейчас, Паша. Ну, кто, скани, в разгар уборочной свадьбы играть!

— Да мы по-тихому, Егор Афанасьич, ведь все равно не достать. Так, с портянкой...

— Знаю я ваш портянкой! Завтра не добуришься!

— А если мы сегодня все подчасить дабыть!

Трубников развел руками.

— Тогда что же... Я первый придду поздравить.

— Ходя счастливо всплынул: — Ох, и обрадуется мой старшой! Очень ему хотелось на моей свадьбе погулять.

— Только помни, Паша: стог — шесть обхватов. Семца для покрития подкосил!

— Подкосил, Егор Афанасьич! В званномом жакете, по брови пожатаян плагом, подошла Мотя; на плече старши, с кривыми зубьями грабли.

— Заподосилась! — сказала она деловито, даме осуждающе. — А ну, ходи асылей, бригадир!

Трубников проводил их по деревне, затем свернул к дому Семена.

С того раза, как Семен выгнал его, Трубников не переступал порога братинного дома. Тут было по-прежнему тесновато, грязновато, душново. Да Егор рогачом пераидвала чужими в лица на лицо не падал красный светел. Ребят в избе не было, только близнец покочивался в зыбке. Увидев Трубникова, Доя выпримаил, ее красное от печи лицо вспыхнуло еще жарче.

— Зачем пришел! Семен в поле...

— Ясно. Все в поле, кроме тебя. Приглашения ждешь?

— Чего надумал! У меня груднати.

— Не у тебя одной. Другие в поле малышей берут, а то старшуду для примотра ставят...

— Ну, а у меня примотра неткому...

— Я примотрую.

Рогач замер в руках Доя.

— Ты! Ты! — задохнулась она, приподняв рогач.

— А что? — Трубников вписился в поле, а не в рогач, а и дратьс-то могу только ногам. А ты вон как ловко рогач держишь, будто видю. Ну, хават припласить, давай быстро во вторую бригаду!

— А ребит я долена покормить? В крикливом е тоне третиной пробились покормность. Доя взяла на руки одного из близнецов, вывалила из кобыт побольше бевую гору с ливным соском и сунула младенцу. Трубников отошел к оному, Деревяна казалась вымершей. Даже ребищати убежали на сеноуборку.

Чистое, голубое небо без единого пятнышка подернулось по горизонту дымом наволочью, которую Трубников привнес было за тучу. Но нет, но не туча, сияющая пелена на лишен очертаний, неприметно сливается с голубизной. Он услышал шавающий звук. Настыившаяся младенцев отвалился от груди,

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ТРУБНИКОВА

У Р А Г А Н

пришла очередь кормиться его брата. Наконец Доя сказала:

— Ну, ладно, пошла...

Трубников толкнулся. Доя с открытой грудью повязывала плеток.

— Застегнулась бы!

— А ты не мужик, ты нышка. Чего тебе статься!

— Эх убил! — усмехнулся Трубников. — Да хоть чертом будай, только работай!

Хорошо рогом выбрал — за писунками глядеть! — Донныи палцы белго перебирали пугачицы кофты! — Скаать кому — не поверят.

Доя громко хлопнула океро. Выйдя, заглянула в окно. Трубников сидел на табурете возле зыбки и тихонько покочивал ее своей калеченой рукой. Лицо у него было серозное и тухое.

«Что он за человек такой! — подумала Доя со странной печалью. — Хорошу рогом выбрал! — Вернувшись в обеденный перерыв, она застала Трубникова на том же месте. Каналась, поскрипывала зыбка, малыши сладко спали.

— Хорошие колхозники, выдержанные! — кинула на них Трубников и мимо шаруножущих прочь Семена вышел из дома.

Во второй половине дня Трубников ездил на МТС, а по дороге оттуда завернул в бригаду Маркушева. Работа тут спорила. Ребятишки влезли на лошадей подкармливая волонкушам концы к строщимся стогам. Молодые мужики и бабы, стоя в кругу, подавали сено вилами на стог, а что, что постоде и подпалыга, уминали, утапывали его, подбаливали с Боево.

Приплывшая на высокой горе почти сметанного цвета и ловко принимая новые охапки, агеф Пунков, слышь, покочил, но жинильный, крепкий, с зелеными кошачьими глазами, гордась своей умелостью и хваткой, кинула Трубникову:

— Эй, Афанасьич, велел бы привезти, дюже жаркой!

— Высотинкам хмельного не покормишь! — отозвался Трубников. — Сковерчались! — отозвался за себя.

— Не бойся! А сковерчались, бабынки в подол поймаю! — кричалась Пучков.

Подошел Павел Маркушев, потный, радостный.

— Давем, Егор Афанасьич!

— Вику. Точно — шесть обхватов!

— Проверь! — сказал Маркушев и мучничиво покраснел.

Но Трубников понял смущение бригадира, лишь когда шагнул к стогу, вскинул левую руку и обрубков праяв.

Рисунок Ю. ПЕСТРОВА.

БОРЬКИНЫ РИСУНКИ

В то первое утро Трубников ушел на работу до света. Борька еще спал. Днем он наведывался домой, но Борька еще не вернулся из школы. Встретив в поле Надежду Петровну, Трубников спросил:

— Ты говорила с парнем?

— Сказала, что у него новый отец...

— Какой я ему новый отец? — поморщился Трубников. — Он своего отца помнит, жалеет...

— Это ничего. — Надежда Петровна осторожно тронула его руку и смущенно добавила: — Я почему-то заплакала...

— А он?

— Помолчал и пошел в школу...

— Ладно, иди работай.

Они встретились за ужином. Подает самовар, Надежда Петровна под каким-то предлогом вышла из дому. Трубников задумчиво глядел на Борьку. Высокий, крепкий подросток, он был очень по-

хож на мать и вместе с тем резко отличен. Материнские большие глаза, крутой лоб, короткий прямой нос, материнская скуластость, даже роднички рассыпаны по лицу, как у матери, но совсем иные краски. Надежда Петровна смугла, русоволоса, — керемглаз — Борька

белокож, волосам темнел, глаза голубые. Черты Борька взял материнские, а расцветку отцову. Отпечаток этого неведомого, чужого начала на милом и родном чертах лице странно тревожил Трубникова.

Борька не разглядывал украд-

доволен: при всей новизне сразу можно было угадать, что это Козьмо-демьян и Курндия выскла, как ей положено, и Бугор со старым вояком на своем месте, и вся округа в подробности. Выполнен рисунок был в цветном карандаше, подлинно даши саму старушку и так будет. Плотники сколотили деревянную стойку с рамой, установили ее против строящегося правления и накололи на нее картину на удивление и радость коноводов.

Впрочем, на удивление, ни радости Трубников не приметил, а наоборот, поглядывая картинку, смеется: начался жетва. Но однажды, возвращаясь под вечер с поля домой, Трубников увидел у створа дача двух колозниц. Они водили пашанца по полю, рассредлывались и смеялись. Обсужденный этим первым проявлением внимания, Трубников было намерялся к ним подойти, но замечая председателя, испуганно отступил и пустился наутек. Трубников глянул на ственд, и лицо его затекло тяжелой, тенью кровью. Стенд весь здан на рисунке. Там были ищепенные отвратительными, грязными словами. Они метили каждому зданию, в их начертании проглядывала злобная завистливость. Козьмово недвусмысленно выразило свое отношение к зримо будущему колозу...

Прядя домой, Трубников спросил Надежду Петрову, где Борька. Она молча кинула голову на закуток.

— Пачета?

— Какже Петровна пошла плаваниям?

Трубников прошел в Борькин закуток: мальчик лежал плашмя на койке, зарывшись лицом в подушку.

— Ну, Борька, это не по-содобному...

Борька поднял мямлоте подушки сухой, бледной лицо.

— Что-то вам, дядя Егор!

— Мне повзалося, что ты того...

— Нет... Я просто думаю.

— О чем?

— Почему люди такие злые... Ведь это же хорошо, что мы в наши придумали! И нарисовано хорошо, правда!

— Хорошо, а только до времени. Потерюлись мы...

— Почему?

— Дай годоподому вместо хлеба букет цветов, он покажет, тебе этот самый букетом по руке смеяться... Вроде и с нами так получится!

— А люди злые, не злые о людях так думать. Сами злые, как всем эти годы дача, отсюда и раздражение... А все-таки наша с тобой возьмем!

Ночью Трубников ворочался без сна, не спалось и Надежде Петровне.

— Манюшинулов — вдруг громко сказал Трубников.

— Что ты? — не поняла Надежда Петровна.

— Манюшина, говорю, «Мертвые души Гоголя читала»!

— Нет, я его «Бибенгабу» передавал... в областном театре видел...

— А не читала — не помашила...

На другой день Трубников распорядился собрать людей после работы у строящегося здания конторы. Когда он вышел, все были в сборе. Люди расположились на бревнах, позади них возвышались почти законченные зданья, ярче-желтые, акварели пазнившие смолью, палил, свежий

стружкой, перед ними — опозоренный ственд.

Возле бригады, недавно вернувшись в колхоз из дальних странствий по волжским городам, держался кучно. В пилочной крошце, выте стружка запуталась в куче, а позади торчала за посом, плотники радовали глаз своей мастеровой дачностью и уверенностью. Большинство колохозников пришли с поля, возле них стояли приспешные и бременные косы с синеватыми запятыми ножами. Особым образом выделялись: старинный бывший слепец Игнат Козьмов, изданный товарищи не так давно примененный Трубниковым в колхоз из райцентра, где он подвизался в дворниках, Елпамий Тихонович. Бывший праворабочий его императорского величества Перновского полка, Елпамий Тихонович сверху вниз глядел на рослого Козьмова.

Трубников подпорозился и стал преле, но не говоря ни слова, изложил картину светлого коньковского будущего, перечеркнутого похобными словами. Конечно, колохозники приспешные и бременные, об этом стоило говорить само возле ственда. Обычно сбранились возле старого зданья конторы, где тырел обитый бригадир полковод Козьмов.

— Ты что, думали удивить меня лямом? — с жестким напором начал Трубников. Лицо Трубникова вдруг поблоровало, голос начался, расплылся — в куче, а сам вас сейчас подыбил Бабь, гарнил он — закрой слух!

Женщины поспешно, кто ладомы, кто коровы, как сакакетки, платками прикрыли уши.

— Лядно, товарищи, шутки в сторону! — чуть помолчал, спокойной казал Трубников. — Некоторые из вас при попытках остаться остальных оплавели свое будущее... Трубников повел рукой на ственд — то, что нарисовано тут, не было нарисовано! — И вот сегодня, а вы его загадили, осрамил, оплохобили...

— Да ведь кто ж знал, Егор Афанасьевич... сказал, покраснев, Павел Маркушевич — думали, так, на смех, повешено.

Маркушев врал, но врал от смущения, не за себя, конечно, он-то к этому руку не прикладывал, а за тех, кому должно было стыдно...

— К вам повеле, товарищ Короводов! — крикнула старушка Коробкова — замосто присудабных уместах, а вы все заваривали, все эти мудады на постном масле оклеиваются!

— Это не от меня, от вас заврался!

— Картина не нами рисована, Афанасьич, ты малаевал, ты, будь добрый, и ответ держи!

— Что ж, лет за десять управился!

— Вына! Да мне за сядьмой десяткой перевалил!

— А глянька, твоя вучика, только в возраст войдет, десятилетки конит, нам, коньковскому. Тебе что, нехота, чтоб твоей вучике жилось хорошо?

— Да это кто ж говорит...

Послышалось слабое свистящее треньканье. Из широкого проулка, ведущего к низкой луговине, поросшей густой, темной травой, появилось коньковское стадо. Собой снуты, плывущему, вставая на колозную тропку и печальную Шуми, трезвый и печальный, как вину в голубой ситцевой рубашонке и драных портках, пустился по земле маленький инутик, делосито семенил его прав-

ник Шурка. В воздухе послышался нежный, дразнящий запах парников, давший двадцатидесяти коров удивленно раздаться, их вымя пазло молоком. Каждый день семьи, имеющие детей, получали бутылку — две молока. Кровь была в створа шота два десятка годовалых телок. Дневные тени коров заскользились по фигурам расположились на бревнах людей. Скотница Проксавья встала и Бурый шагом направился к ферме...

— А правильно мы понели... крикнула рыньчатая Нина Васюкова, идяная заводила ухмыляясь, что с конноланом — это клуб!

— Правильно.

— А напротив него?

— Общеветевная столовая.

— А за Барской аллеей?

— Фруктовый сад, колхозный дом отдыха, вроде санатория.

— Ну и ну!

— А дача — хрустальный дворец! — крикнул поспешно, навалившийся голод Полины Коршковой. — Им сказки рассказывают, а они и губы распустили!

— Ну, а что же это-то не является! — скучным голосом казался старушка Коробкова.

— А когда вам верилось? — не то с горечью, не то с насмешливой кривулой Трубников говорил, подымая коров. — Не верили! Говорил, денежный аванс дадим... не верили! Говорил, зерном в колхоз раздамсякий народ... не верили! Вот ты, Полина, ну ты про сказки плела, а давно ли тебе сказкой казалось, что твоя разлозобивший супруг Василий в колхоз возвратится! А вы, женщины, слышите, новые штаны протрещали. Да вы лучше припомните, что тут весной было, а потом оглянемся!

— А в ярем, бабы! — крикнула скотница Проксавья. — Завонит коров от дедушки Шурки и вернулись на собрание... Нешто можно равнять?.. Председатель... повелел нам, женщины, присудабных уместах, а вы его заваривали, сказки на милость, подумайте у нас дерева на картине така огромная!

— Молодые подрастать будут, от стариков отделяться, значат, деревья ширь пойдут. А еще решение Беликов турор передать нашему колхозу, хватит им не отшибе болтаться! — не пот, товарищ председатель, снова суналась старушка Коробкова, — с чего это на вашей картине замосто присудабных уместах, а вы все заваривали?

Трубников улыбкался. Похоже, они куда лучше познакомились со ствендом, чем он мог предполагать!

— Разгадала!

— Может, и не разгадела бы, да люди указали.

— Что ж, важный вопрос. Такая важная программа, там, вариации: хозяйства без дачи, без коровы, без присудабного участка...

— Так этого уж достали, милочка! — перебила Коробкова. — Осталось только огорода отобрать!

— С той, Коробкова, хорошо на перу дачею!

— А ты все перед забегаваш... Трубников переждал, пока утих смех... Когда ственд давать на трудушки два литра молока, а сосиски, сосиски! — когда ственд встанем в колозную пекарню не вылекать, сами не захотите с телом возиться; когда отомоществованную столовую и овраги войдут в опилку трудошки, козав-

ни сами не захотят на участке маяться... Что, не так! Оговорился для вашего споминания: придумал я к этому не бранить, а только довольн насладиться и собственнй коровкой, и собственным борозком на отомощи, и всякой асиучиного своего ственда! Собираюсь без этого подспорья не обойтись, и если кто в этому году не ослинит корову, колхоз выведет суду!.. А вот Кляньюта, — Трубников на санатории: «вуде не обойтись с присотыми солпями под азердунью носом вучике Коробковой... если же не азудут солп, колхоз выведет суду!..» Трубников к этому не будучи, продолжал жет спасибо своей бабе, что та не только зимой месать горазда было, но и трюдилась, старая, для ее счастья...

Собрание окончилось, пошли вопросы и расспросы, все заговорили спомом, засприли. Кто-то спросил, в какой последовательности пойдет стройка, дачева требовались ли для этого материалы, кто-то клуб, скотница Проксавья ратовала за молочную ферму, а Игнат Захарчук, бывший слепец, настаивал на санатории: «вуде не обойтись без хвойных вышек».

«А ведь разговор-то состоялся!» — подумал Трубников, рассеивно прислушиваясь к спорящим.

Когда собрание закрылось, Павел Маркушев спросил Трубникова, как быть со ствендом?

— А что? Пускай стоит! — Неудобо, Егор, — Афанасьич, ну-ка, чудной кто увидит! Может подчистить резинкой, ножичком поспобить!

— Что ж, пускай этим займутся те, кто в глупости своей расписался...

Все так и будет, как говорил в этот дач колохозник Трубников, хотя конькам понравится не всегда. Но через год, а паче, дача, полностью зарисована, и Трубников рисунком, и не все из них дождут до этой поры. Не станет Пелегей Родионовны Козьмовой, скотница Проксавья, дедушка Шурка, покинет деревню семья Семена и даже Алексей, пристривившийся к лошадям и не тающий зла на дядю, последует за отцом. Зато Козьмово окажется чуть не в пять раз больше, чем думалось поначалу. В то время еще вадать не вадали о предоставлении уступки на дачу. Трубников рассчитывал лишь на естественный рост деревни да присоединение Беликова хутора. Когда же для колхоза «Заря» придет пора закупить паровоз, начнется селиться окрестные деревушки и образуют с ним один колхозный массив...

Лишь почти будет построена колозская мастерская, там, нарисован ее Борька. Это — большое, странное и нелепое строение, немного напоминающее церковь. Над ним ставил прямо голубую кровлю, а Борька вернувшись к проекту районного архитектора, они совсем не похожи на Борькины наивные рисунки. А вот санаторий открывался в следующем году, построил колхозный архитектор — есть в «Заре» такая новая штатная должность — Борис Луазин-Трубников. Окончена архитектура, но Трубников не знаил, что еще в институте он к отцовской фамилии присоединил фамилию отчима...

Строители морской эстакады делают первые, самые трудные шаги, первыми вступают в единоборство с морем. Одну за другой сбивают они многометровые сваи в каспийское дно. И там, где прошли строители, все дальше в море, на десятки километров вытягивается стальной остров. Следом идут буровики, нефтяники. А потом — десятки, сотни тысяч тонн сверхпланового черного золота...

Но так просто море не хочет сдаться... Старый Каспий взбешен... Люди все дальше и дальше подбираются к его сокровищам. И он в ярости, мелезы вырваться, все катит и катит свои огромные волны. Они наваливаются на эстакаду, как несметные полчища. И в бессиловой злобе, шипя и пенясь, откатываются от стальных свай...

Каспий сопротивляется. Сотрясая от гнева, он преграждает доступ к своим богатствам. То вдруг обрушивает на остров льды, дагающиеся с севера, то ожесточается шквалами нежданной силы...

Но напрасно, Каспий! Люди сильнее тебя! Да, они сильнее, они научились побеждать море. И чем больше трудностей, чем опасней труд, тем он почетней.

Мы расскажем лишь один небольшой эпизод из героических будней нефтяников Каспия.

Мы расскажем о бригаде Аюфа Динафарова, который выдвинут имее кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

— Meteor.. Meteor!.. — В трубке что-то трещало, ее как будто лихорадило морзянкой. — Метостанция! Наконец-то! Девушка, дорогая, как там у вас?

Откуда-то издали, словно какофонию помех, донесся спокойный голос:

— Попа без перемен. К утру восемь-девять баллов.

Динафаров торопливо опустил телефонную трубку на аппарат и подошел к окну. А за окном вил и метался норд. С каждым его порывом дождь бил в стекло и крупными каплями стекал вниз.

Было еще совсем темно, но длинная тревожная ночь, а вместе с ней и эта беспокойная вахта подходила к концу. Аюф невольно подумал о теплом, уютном общении и пошевелился от пронизывающей до костей сырости.

Два светлячка автомобильных фар вспыхнули в предут-

**ОНИ СИЛЬНЕЕ ТЕБЯ,
КАСПИЙ!**

реиней мгле. Они то исчезали на поворотах, то появлялись вновь, но уже ближе, и тогда капли на стекле становились желтоватыми.

Акиф следил за идущей по эстакаде машиной. И чем она была ближе, тем больше его охватывало беспокойство. Он посмотрел на часы. Прошло не больше часа, как оператор по добыче нефти Мамед Хейрабады выехал на самое отдаленное основание бригады — коенную точку Северо-Восточного крыла.

— Так быстро они не могли закончить работу, — подумал Акиф. — Почему же машина возвращается?

Он снова снял трубку телефона.

— Дайте четыреста двадцать первое!

— Основание не отвечает, — услышал он голос телефонистки.

В это время, забывая своим ревом шум штурма, на площадке пятой бригады выехал «МАЗ». Через минуту в дверях появился Мамед. Он шагнул в контур, открутил капюшон насквозь промокшего плаща.

— Бода, Акиф!

— Что случилось?

— Еще бы немного — и юрмилли бы мы раков.

— Говори толком, в чем дело. Почему вернулся? — Джафаров начал нервничать.

— Чуть в море не свалился. Хорошо, водитель не растерялся, затормозил вовремя. Понимашь, темно, дождь. Видно на десять метров, не больше. Едем потихоньку, вроде ничего, доски мокрые полбесквоят. Как до последнего поворота доехали, смотрим, фары будто в пустоту уперлись, и доски вроде больше не блещут. Ну, шофер сразу на тормоза. Понимашь, еще б миг, и все, каюк!

Мамед снял шапку и вытер мокрые лицо. Потом продолжал:

— Когда из машины вышли, веришь, аж нутро все зануло. Смотрю, одно колесо неполювину над водой. Эстакады как не бывало.

— А основание? — перебил его мастер, поднимаясь с места.

— Темно было, ничего не видно, — ответил Мамед. — Отогрев над будкой вроде бы светился.

В это время вошел водитель «МАЗа». Он тоже подтвердил, что видел свет лампочки.

— Значит, основание целое, — подумал Акиф и спросил:

— Там кто-нибудь остался?

Строители эстакады делают первые шаги, самые трудные шаги, первыми вступают в единообразие с морем.

— Нет, — ответил водитель, — все в порядке в поселок за трансформатором уехали.

Джафаров снял со стены своей плащ.

— Поехали, посмотрим.

Когда добрались до моста, уже начало светать. Их глазам предстала страшная картина. Между основной эстакадой и основным образовалась пустота метров в двести. Трудно было поверить, что всего несколько часов назад здесь был целый пролет эстакады и по нему прошла машина с людьми. Какая нужна была сила, чтобы, как бритвой, срезать стальную громаду!

Акиф видел, как из выходящих линий, разбитых волной, в море фонтанировала нефть, и сердце его тоскливо сжималось...

«Что же можно сделать? — билась мысль. — Что можно сделать?»

Дождь кончился, но ветер не утихал. Он, казалось, еще с большей силой гнал новые громады волн. На том месте, где торчали из воды искореженные сваи, в бешеной пляске шипели волны, словно праздную свою победу.

Акиф повернулся и, морщась от встречного ветра, пошел к машине.

— Не имею права выпустить катер! — тоном, не терпящим возражений, заявил дежурный диспетчер. — Морской регистр запрещает нашим катерам выход из порта даже в пятибалльный ветер.

— Мало ли, что запрещает ваш регистр, стараясь говорить как можно спокойней, продолжал настаивать Джафаров. — Когда писали эти правила, в море еще не ходили за нефтью... Выпустит, а?

Джафаров, Мамед Хейрабады и капитан «Комсомолец» стояли, ожидая ответа. Диспетчер отвел взгляд и в который уже раз начал перебирать на столе бумаги.

— Не могу я рисковать катером и людьми, — нарушил он молчание. — Видь ты же знаешь, что подойти и основанию невозможно, — повернулся он к капитану. — Разобей в щепки.

— Надо же нефть спасать, старина, — тихо ответил тот. — Попробуем!

...Катер шел по ветру, зарывался тупым носом в воду. Его узкий темно-серый корпус до взлета на гребне волн, то проваливался между пенными волнами. Иногда его корму подбрасывало так высоко, что обнажался винт. Акиф и Мамед стояли на палубе, прислонясь к рулевой рубке. Ветер рвал с них намокшие плащи, обдавая ледяными бризгами.

Два часа пробыл в юркий «Комсомолец» к основанию. Отрезанное от эстакады, оно теперь походило на неприступный стальной островок, принимающий на себя самые сильные удары Каспия. Катер обошел кругом: все причалы были биты волной.

Акифа охватило сомнение: «Может быть, диспетчер был прав, не нужно рисковать? Лучше подождать, пока утихнет шторм!» И тут же отогнал эту мысль, увидев, как по вол-

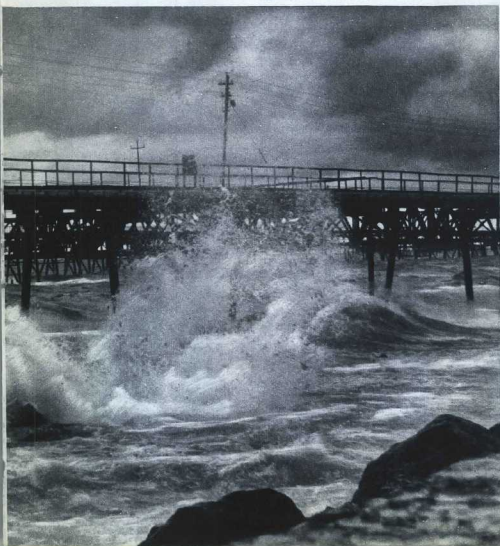

Одну за другой вбивают они многометровые стальные сваи в каспийское дно.

Уже которые сутки штормует море! Кажется, что старый Каспий забился настоящей льдой, которые упорно отговаривают у него скрытые в глубине сокровища.

Вечером, после нелегкой вахты, многие нефтяники садятся за школьные парты.

За стеной шумит шторм, а здесь, в лаборатории, тихо и тепло. Инженеры Светлана Ишханова (слева) и Софья Асраева исследуют пробу воды.

Оператор по добыче нефти Мамед Хейрабади.

фа, склонившегося над ним. На его глазах были слезы. Он плакал от радости.

Возвратился на катер Мамед отказался наотрез.

Выломав двери в будке дежурного, которая оказалась запертой, они вошли в нее, чтобы немного отдохнуть и обсохнуть. Акиф отдал товарищу часть своей одежды: на том же промокло до нитки.

А потом в течение четырех часов оба, не переставая, работали, пока все шесть скважин не переключили на другой сток. Нефть пошла по новому руслу — фонтан захлебнулся.

...Во второй половине дня ветер стих. Угмонились волны, оставив в локах стальной островки. Они прекратили свою бешеную пляску, словно поняв, что рано торжествовать свою победу над людьми.

нам расплываются большие радужные пятна... Там, наверху, бил нефтяной фонтан. Его надо было остановить во что бы то ни стало. И, когда капитан вопросительно посмотрел на Джафарова, ожидая его решения, тот кинул головой.

Катер сделал заход с подветренной стороны. Когда до основания оставалось не больше трех метров и казалось, что через секунду катер неминуемо врежется в стальные сваи, капитан резко вывернул штурвал, подставив левый борт волне. Катер взметнулся вверх, почти порванвшись с площадкой основания.

Первым прыгнул Акиф. Он крепко вцепился в металлическую конструкцию и, напрягая все силы, вскарабкался наверх прежде, чем новый водяной вал обрушился на сваю.

Катер снова сделал заход. Теперь была очередь Мамеда. Он посмотрел вверх — площадка основания показалась недосягаемо высокой. Но вот она начала приближаться...

— Прыгай! — слылав голос, крикнул Акиф.

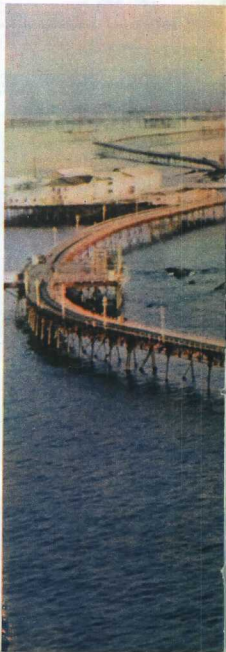
Мамед прыгнул, но непослушное, озябшие пальцы не смогли удержаться за скользкие поручни. Волна подхватила и утащила его под астанду.

Волна несл Мамеда прямо на сваю. Он выставил вперед руки, а когда они коснулись скользкого металла, собрал последние силы и обхватил стальное тело сваи. Волна отхлынула, готовясь к новому нападению. Мамед почувствовал, что силы оставляют его. Он начал медленно сползать вниз. В глазах потемнело. И в этот момент сильная рука подхватила его...

Мамед очнулся уже наверху. Он увидел бледное лицо Аки-

Работа на астанде — нелегкий, опасный труд. Но монтажники гордятся своей профессией, гордятся тем, что заставляют море покориться человеку.

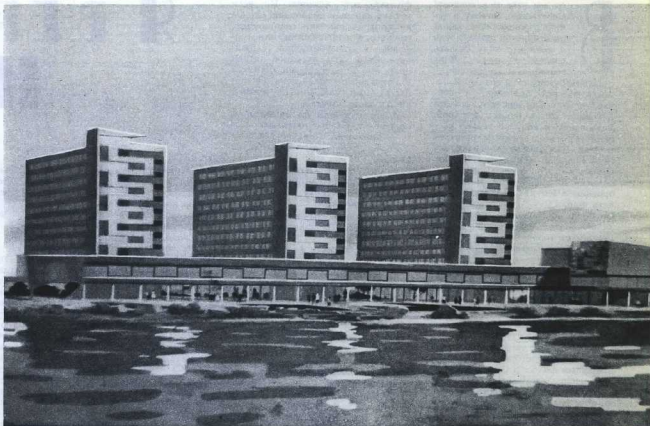

Замечательный подарок получат вскоре туркмены Нефтяных Камней. По проекту, составленному по предложению Н. С. Хрущева, уже начато строительство высотных домов. Это будут многоэтажные комфортабельные здания, в которых предусмотрены все современные удобства.

Здания создаются на специально намытом искусственном острове. Десятиметровый фундамент сможет выдержать самую большую шторм. Специальная конструкция совершенно оградит людей от ветра и шума волн. На крыше домов будут посадочные площадки, откуда очередная волна будет доставляться к месту работы на вертолете. К услугам свободных от вахты нефтяников будут замечательные общепиты, клубы, кинотеатры, библиотеки, спортзалы.

То, о чем еще вчера люди не могли и мечтать, сегодня творится в жизни.

Все дальше уходит в море эстакада. Уже на Кюлевской, от берегов Туркмени, навстречу Нефтяным Камням протянулась такая же стальная рука морской эстакады. Скоро эти руки встретятся и сомкнутся в крепком братском рукопожатии. И ничего их не сможет разнять.

ВЕРУСЬ НАТАША

Вот мы уже и в совхозе! Собственно, почему я начинаю дневник с такой пугливой фразы? Ведь я пока что хочу сказать совсем о другом. Черт возьми, как это сложно — поверять бумаге свои мысли! Я никогда не вел дневника. А сейчас сейчас мне кажется, что без дневника жизнь будет неполной. Ведь в нем я хочу не только рассказывать, но и спорить, ругаться с теми, кто, прочитав строки Воеводина: «Труд—это борьба; борьба — это удовлетворение», — скривив нижнюю губу, небрежно бросит: «Чепуха». Я знаю таких. Это они.

«Жизнью полагает, что все его дело — жить, а человек жизнь принимает только за возможность что-нибудь сделать», — говорил Герцен.

Это правда...
Вчера я умышленно отложила дневник. Мне хотелось все хорошенько обдумать.

***

Все началось с того, что однажды в классе уроки истории мой друг, школьный философ Славка Страшнов, написал мелом на доске:

«Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящим коммунистом».

В. И. Ленин».

Потом он встал на кафедру и сказал:

Ребята, я предлагаю начать деятельность всем классом поезде в совхоз. Подумайте, времени у нас еще много.

Кое-кто из ребят ездил летом работать в село. А я пошла в геологическую партию. Мне страшно нравилось бродить по тайге, собирать разведочные образцы промывки, перебираться через быстрины и холодные ручьи, спать в палатке и мечтать о том дне, когда однажды ты придешь в лагерь и скажешь: «Я нашла хитроуловную трубку!»

В общем, я здорово увлекся геологией и не думал о предложении Славки поехать на работу в деревню. Я был уверен: стану только геологом. А после новогоднего вечера, на который я пришла в костюме геолога, с бородой и отбитым молотком, меня даже прогнали «Геолог!»

Сам я только и мечтал о том времени, когда получу аттестат и стану студентом горного института.

Когда наши мальчишки и девочки снова, и уже окончательно, заговорили о поездке в совхоз, меня они даже не агитировали.

Слыша, как кто-то из них сказал:

— У Валерки путь в жизни выбран.

Я гордился этим. Мне казалось, что я был единственным в классе, у кого так правильно складывалась жизнь.

Но все вышло совсем иначе.

«Почему я вдруг изменила свое решение? Почему я решила не поступать в горный институт? У меня состоялся разговор с братом. Узнав о решении моих одноклассников, он сказал:

«Не будь тебе назидательным своего мнения. Но мне кажется, если парень, серьезно занимающийся математикой и не без способностей в этой области, стремится попасть в институт, именно на

физмат,— это логично. Но если тот же парень к окончанию школы не проявил никаких склонностей, скажем, к минералогии или географии и его убеждения сложились всего лишь из одной легкой прогулки, а он всячески стучится в двери института — лишь бы поступил! — тут уже нет ни логики, ни сарказма смысла».

И вот однажды на перемене я подошел к Славке и сказал:

— Зависский. Поеду с вами.

— А геология? — удивился Славка.

— Придется отложить.

— Нет, вы посмотрите! — заговорил надут сердито Славка.

Я перебрал его:

— Странно, ты не классный руководитель. Не надо читать мне мораль.

Славка бежал в класс и крикнул:

«Экспедиция «Десктейт» Г. пошла! Иса. Участвовать в ней дал согласие известный профессор-полюс Валерий Филиппович».

Все дружно — закричали:

— Ура-а-а!

После уроков ко мне подошла Наташа.

«Наташа, это правда, что ты поедешь в совхоз? — спросила она тревожно».

Мы дружили с Наташей. Здорово дружили. Я любил ее.

— А почему ты не сказал об этом мне?

— Не знаю.

— Ты не будешь против, если и я поеду с тобой, с вами...»

— Почему же! — ответила я, и у меня от радости пересекло во рту.— Это будет, это будет, помнишь... Черт возьми! Ты серьезно!

— Наташа кивнула головой.

Я побежал сообщить об этом Страшнову.

Родителям о своем решении мы договорились сказать только после экзаменов. И вот настал этот день. Какой был переполох! Мне рассказывать, что все наши мамы и папы собрались вместе, чтобы договориться, как себя вести. Не понимаю, почему это они, в общем все старые производственники, бывшие фронтовики, так бокались отпустить нас от «своего предприятия».

Уговаривая родителей ходили все вместе. И в этом, кажется, была наша сила. Мы это поняли, когда от Валы Воеводиной после долгих переговоров наконец сказал:

— Что ж, хлеб растет — валюге дело. С вами отпущу. Выход, в брод не бросите, настоящие друзья. Давай обещания, Валюха. Иначе рассуждал отец Наташи.

Вернее, сначала он даже не желал рассуждать, а просто-напросто вышвырнул нас, назвав мальчишками. Но мы не сдались и пришли вторично. На этот раз он соизволил вступить в переговоры. Невеселый, подумавший, в белоснежной сорочке с черным галстуком, он ходил по комнате и читал нам нотации:

— Вы еще ничего не смыслили в жизни. Романтика! Это здорово ступил в пеще. Дурака ветер — вырвал хвостик. Погибала романтика. Останется жизнь.

При этих словах он усмехнулся и посмотрел на меня. Я выдержал его взгляд. Тогда он прокашлял портсигаром и, уже глядя на Наташу, сказал:

— А жизнь, жизнь — другое. В пеле вы забудете о романтике.

об института — в общем, превратитесь в людей без мечты, или, как говорит, в обывателей. Правильно, конечно, но могу не привлекать ваше решение. Это современному. Но Наташа... Наташа надо поступать в институт.

Ай, Наташа не просила с вами. Если бы я еще раз встретился с ней да отъезд, может, мне и удалось бы уговорить ее. Но отец ее пошел в деревню «на отдых»...

...И вот мы в совхозе! Сколько нас? Тридцать.

Это Валы Ванова. Перед отъездом она обрзала себе косы. Хочет выглядеть солдаткой. Лена Юрченко, серьезная и скромная. Другая со Славкой. Римма Коруткина, худенькая, энергичная и никогда не унывающая, прозванная нашими ребятами за проказы «чертенок», Надя Нестеркина. Коля Аладева, Славка Страшнов и Коля...

Разместили нас в общежитии. Это — довольно уютное здание с «парадным» входом посередине.

Десят послали работать в полеводческую бригаду и на ферму. Некоторых ребят — в механизированные звенья, прицепники. Аладева поставил молотобойцем в совхозную кузницу. Он сам попросился. Николая Комара, Гуляева и Ягнешева Тоуа — скотниками.

ПРОКОПИЙ ГРИГОРЬЕВ ДРУГУ СОЛНЦА

— Дрожит под витязем
Верный копь.
Траву играют горнисты.
На иллемх — звезды.
В сердах — огонь,
Зажженный Октябрьской
взрицей.

На бой! На бой!

На бой.

На бой.

Их вихрь революции
мчал...

Та битва стала
Нашей судьбой,
Победа —
Началом начал.

И вот развезен
Починка туч.
Снигет новое утро.
И первый
Стремительный
Летовый
Луч

Наступил в старые юрты.

Я верил в легенды,
Я скакал любил.

меня — дозором на перемы организованную здесь электродорожную площадку.

Недавно совещались. Работа всем вразе.

***

«Исполнился месяц, как мы приехали в совхоз. Сегодня пришла с работы, и все разом приплыли. Работала вроде здорово, мозоли на руках, а получить ничего. Выбрал парламентером Рыту Доблер и отправил к директору совхоза на переговоры. Почему обманывать рабочий класс? Через час Рытка пришла улыбающаяся. Все уладил. Оказывается, у них совсем не наладил учет. Доблер предложил стать учетчицей. Она пришла спросить нашего разрешения. Все проголосовали «за».

«Отправил третье письмо Наташе, а ответа ни на одно не получил. Написал, что мы все не адуем перебраться в общежитие, как это могла вырваться ее отец. А живем, может быть, еще лучше, чем в городе».

Сразу же по приезде двести разбавила всем обществу клубы, посадила цветы. Есть даже Наташа, любимые анютины глазки, альпийский альп, гигантские гераньи, садовые акации и китайские розы. Цветы здесь пахнут удивительно».

Они шептались:
«Доверься!»
Но скаква скажешь,
А это —

Мне солнце
Хлынуло
В сердце!

И ружье витязь,
Гонец Октябрь,
Мне подал добрую руку
И повел вперед

Огь страждь буваря,
Он невзломкого —
В науку,
Летели годы.

И жизнь ковал,
И даль становилась
И близкой,

Когда на рассвете
Я дерь открывал
Новотечу

Солнечным искрам.

И это песню —
Сердца никак —
Я посвящая в награду
Другу нашей, племени и рас,
Современу нас,
Слитомушку нас
Волгошскому старшему брату.

Перевел с якутского
К. ЗАМОШКИН.

ЗАТОБІ, ШКА!

Судьба Валерия Филиппова типична для молодого поколения 60-х годов. Он и его сверстники ищут туда, где труднее, где больше всего нужны смелые сердца и крепкие руки. Вот почему Валерия предлагает читателям «Смены» отрывки из его дневника.

В. ФЕДОРОВ,
журналист.

г. Хабаровск.

Помнишь Коляку Аадыева? Он у нас командует спортом. Раздобыла где-то игтанку. Организована волейбольная команда. Ездая уже соревнуемся в соседней колхоз. Я все хочу побить его по игтанке. Пока не удается. На два килограмма расхожусь.

Недавно засады совет обзективисты, решил организовать библиотеку на общественных началах, коллективно отмечать дни рождения. Нет, обыватель это нас никогда не поучит.

Вот да тебя стиха. Я недавно прочел их у поэта Сергея Наровчатова:

Вот и отобрана ты у меня!
Неопытен в древней науке,
Я бей програм, порываемые
в делоп и трудовой разлуке.
Вой програм, Петеря!

В любовь поверена, как в счет.
В ненависть, чтоб день-и-ночь
Я сейчас отступаю, чтоб день-и-ночь
И учуду с расчетом слова.

Камни копить и развешивать.
И учуду с расчетом слова.
Камни-нибудь утром нечаянным
Ворваться в брем тебя отобрать
Всю — до последней окрину!

Ну вот, получилось еще одно письмо Натане, а не дневниковый запис.

—Правильно говорят: молодо —

зелено. Приехали мы в совхоз, организовали коммуны. Живем вроде приживалов. И только недавно заметил, что рабочие совхоза смотрят на нас искоса. Почему? Да потому, что мы все делаем только для себя. Славка Страшнов сказал по этому поводу:

— Нет у нас марксистского подхода к жизни. Надо пересмотреть нашу программу.

И мы ее пересмотрели. На другой день в клубе вывесили стенную газету «Крокодил идет по Самару». В ней писали про нас. Критика была уничтожающей. Рабочие совхоза от души смеялись. Девчурочка сказала мне, когда я носел вывеску эту газету:

— Я еще никогда так стурово не смеялась над собой.

Контакт с жителями поселка был налажен. Мы стали ходить в клуб, приглашать их к себе. Очень хороший народ!

Очередной номер «Крокодила» выстулся совместно. Ударил по пьяницам и лодырям, протянул некараму. Хотелу было много.

—Сегодня сырнвалю мой день рождения. Веселье было до полуночи. Подарили мне будильник. Первый намек на то, что я два раза с опозданием являлся на ферму: проспал. В разгар веселья вышел на улицу. Темнея, как по землей. Вышла Ася.

— Ты что здесь стоишь? — спросила. — Скучаешь по Натане?

Собра, сказала «Нет».

—Вышла первый снег. Странно здесь зимой. Выглядит на улицу, оглянешься по сторонам — ни кони, ни края белому безмолвию.

Подводили меня работы за лето, почти всем наняли вывесил благодарности. Зарабатываем хорошо. Девчата приобрели швейную машину.

—Работа по душе. Увеликя техникой. На дольней площадке нас работает семеро — пять девушек, я и механик. Обслуживаем 108 коров.

Девчонки подют коров и по домам, а мы с механиком что-нибудь марачуем себе. Решили добиться, чтобы молоко от всех коров сразу по трубам поступало в один бидон. Добились. Девчата доволны. Работать стало легче. Да и времени больше свободное. Механизицировали насосы, вывезли при помощи распыленной тепловой воды по большим давлением. А раньше масворвались руками.

—Сейчас утром доярки приходят на площадку и первым делом спрашивают:

— Чем сегодня уданите? Может, нам поворачивать назад?

Поча не надо, — говорим.

Имени не паса. Мы еще придумаем такое, что площадку будет обслуживать всего одна доярка.

—Сегодня воскресенье. Девчата зятельна генеральную уборку, загладили нас из комате.

На улице снегу по колено. Всекая красиво здесь. А вообще, что такое красота? Помню, подружка прислала Натане письмо из Киева.

—Ой, Натанка, — писала она, — даже Хабаровск по отношению к Киеву — глубокая провинция. Какая здесь красота! Все маленькие колоды в черных костюмах и бачках. Слованна Европа».

Мы здесь одеваемся не хуже, чем в Киеве. Но если бы подруга Натане взглянула на нас, она бы сказала:

— Никакой красоти! И это потому, что мы не носим бачочки.

А на черта нам нужны бачочки!

Настоящая красота, я понимаю, в том, что каждый в меру своей силы и способности помогае строить коммунизм. Это красота.

Если каждый поймет это, все люди на земле станут куда красивее, душевнее, сильнее, благороднее.

По случаю воскресенья у нас сегодня семейный ужин. Это мы зашли со дня приезда. Проходит их весело. Собираемся все вместе.

На семейном ужине мне поручили вывесить скую из клуба и написать прощание там веселье.

— Бросим тебя на культур-фронт, — заявили друзья. — Это сегодня передовая селя. И не отступит!

Я только головой кивнул.

ГЕННАДИЙ ГЕОРГИЕВ

ШОФЕРЫ

Гонят шоферы-пираты,
Летят, обгоняя друг друга.
Шоферы были бы рады
Отдаваться легким испугом.
Но постояная милиция
Держится на изютовке.
С виноватыми лицами
Тянут шоферы лутевки.

Загибается лютной шоссе,
Гладко, словно рельсы.
Уверен я, что не все
Делают «левые» рейсы!

Я видел шоферов
На маленьком полугостинке.
Им чужды аферы,
Машины у них, как танки.
По непролазной грязю
Они, чертыхаясь грубо,
От станции повезли
Большин стальные трубы.

Два десятка чертей
Грязные «МАЗы» встречали,
Два десятка чертей
Усталых шоферов качали.
И долго сосны тряслись

От хора окрикнувших глоток...
Здесь газопровод велит
Через леса и болота.

Загибается лютной шоссе,
Гладко, словно рельсы.
Уверен я, что не все
Делают «левые» рейсы!

Я люблю встречать поезда.
Приглашают кататься,
К ним лицом становлюсь, и
Мне кричат: «Отойди, заданит!»

Ну, скажките, — страшный народ!
Никуда от него не деться.
Может, чувствую-то это вот
У меня осталось от детства.

Может, я завидую вам,
Приезжающим издалека.
Может, плохо я сплю и ем,
Своего дожидаясь срока.

Но прежде чем везть разгон
И уметь в дальние дали,
Всего толпе, окружающей вагон,
Крикну я: «Отойди, заданит!»

Пусть завидуют! Не беда.
Если сердце замрет в тревоге!
Нужно верить в свои надежды.
Нужно верить в свои дороги.

...Возвус с самодеятельностью. Уже третий год, я работаю в совхозе. Прав бал бреть место и жезни надо вкряк. Теперь я уже не мечтаю о килматоровой трубе, а твердо решаю поступить в сельскохозяйственный институт, на отделение механизации.

—Удивительно, эти строки я пишу дома. Приехал погостить. Заходил к Натане. Я отговарю дверь и вижу ее у лезки. Сидит, читает мое последнее письмо.

— Натанша! — кричу я. Она вздрагивает, обрывается. Молчит. Затем встает, приближается к шее и к лезки.

— Знаешь, Валерка, мне все надоело. Одна я, совсем одна.

Вспом отлет, Натане резко спрятала руку с вывеской на спину и виновато, исподлобья, взглянула на него.

— Натанка, пора обедать, — холодно сказала он.

Я взглянул двора и не вышел, а вывасалась на улицу.

—Стучат колеса поезда, возвращаясь в совхоз досрочно. Вчера узнал, что дольней площадки не работают. Ни у кого ничего не получается. Почему же у нас получается? Буду драться.

—Какой же человек Натаншки отец? Что он сделал с ней? Хочется мне написать такое письмо: «Так вот, помните, вы говорили, что в селе мы превратимся в обывателей и никогда не осуществим своей мечты. Соображал, и встали, гонят, ценят. Тогда мы не смогли возразить вам, но мы чувствовали в свои 18 лет, что вы лжете, и не верю вам».

И теперь я могу возразить. Жизнь — это ты. А хворостинка на неске — это мы. И обыватель — тоже мы. Сейчас все тринадцать «романтиков» учатся в институте.

Каждый из них разорвался в жизни и выбрал себе профессию по душе. А что сделали вы с дочерью, с моей любимой, с ее мечтой!

Вой програм, Петеря!

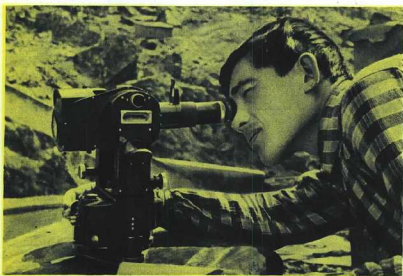
В любовь поверена, как в счет. Я сейчас отступаю, чтоб день-и-ночь

Камни копить и развешивать. И учуду с расчетом слова.

Камни-нибудь утром нечаянным Ворваться в брем тебя отобрать

Всю — до последней окрину!

Я вернусь, обязательно вернусь за тобой, Натанка!

Первыми на стройплощадку приходит топографы. Вот один из них — новоселец Юрий Мананенко, ведущий съемку на участке створа плотины.

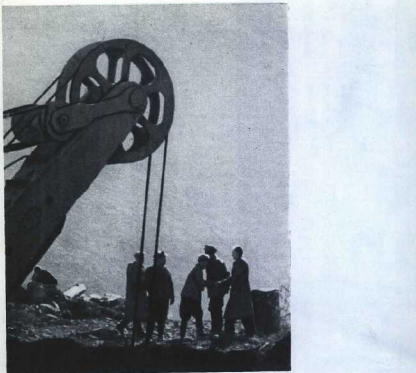
Фото А. ГОСТЕВА.

РАССВЕТ НА Д ВАХШЕМ

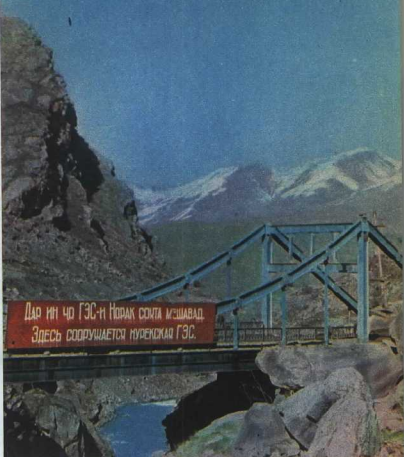
Будущие жители города Нурена непременно помянут добрым словом веселых девчат-штукатурок из бригады Вероники Давыдиной.

Один из важных сейчас участков — строительство подъездных путей к отводящему каналу ГЭС.

Расклеванные зяном безомленные, лишенные жизни горы. Только в весеннюю пору пробивается снова расщелины зелены, вспыхивают буйные топы мындади, да в глубоком ущелье слышится обычного шумит буйный Вахш.

Таками помнят эти горы отцы отцов. Таками они были и сто, и тысячу, и наверняка, сто тысяч лет назад. Безомленные горы, а вокруг пустыне и тоны безомленные, лишенные жизни долины. Человек давно метал с том времени, когда ошмет земля, ашмету на ней сады, зеленые зеленые поля, и благодарные люди примут от природы ее щедрые подарки. Но люди не могли переделать природу. Земля, на которой они жили, принадлежала богатым.

Но время обогнало земли настало. Оно пришло вместе с временем обогнало жизни. Простой труженник стал хозяином земли. Он стал сильным и смелым, как батыр.

Дошла очередь и до безомленных гор, обступивших буйный Вахш. К кругам берегов реки, в ущелье Пуан-Салтан пришли люди. Это было много лет назад. Тогда их было немного, всего несколько человек, и, может быть, осторожный и недоверчивый с сомнением почал бы голодный, узнав, за какую работу собирались они приниматься.

Разве поверил бы такой недоверчивый человек, что здесь, в ущелье, стиснутом Вахш, смельчачи собирались поднимать невиданную трех-четырекилометровую плотину, перегородит ею Вахш, создать целое море — водохранилище объемом в восемь миллионов кубометров, а потом пустить агрегаты гидроэлектростанции общей мощностью без малого три миллиона киловатт? Эти цифры потрасли бы осторожного человека, он просто не поверил бы людям, посмеиваясь.

Но следом за разведчиками вскоре появились тысячи людей. Пришли таджики, русские, узбеки, киргизы, казахи, белорусы, украинцы... Пришли, чтобы построить еще одну ГЭС — Нурекскую. Один из них уже построил, города. Для других поселок Нурек стал первой строительной площадкой. Что же так бывает всегда: рядом с людьми многоопытными, плановыми, с истинными умельцами трудятся новички. И здесь, на стройке, рядом с настоящими умельцами трудятся разнорабочие, станут завтра ребятами: пусть тот, кто сегодня трудится разнорабочим, станет завтра специалистом!

Сейчас возведены только первые кварталы на месте небольшого поселка — кишлака Нурек. Но, если приглядеться и шаг повнимательнее, можно увидеть чертания будущего города с его многочисленными микрорайонами. «Мы строим Нурек — город коммунистического типа — микрорайоны». В большом Нуреке будет десятки микрорайонов: дощук иодичное лес. В большом Нуреке будут десятки микрорайонов: и в каждом — свои десятки сады и клды, свои столовые и аптеки, спортзалы и магазины — словом, все, без чего не обойтись ни взрослым, совсемаясь и ребятишкам.

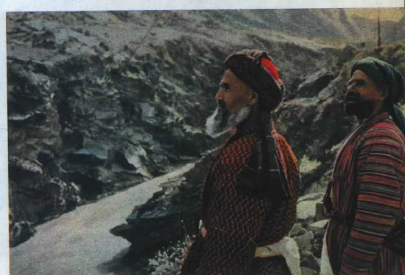
Кинят работа на площадке бетонного завода. Продолжено более пяти тысяч кубометров грубых камней. Заваначивается подготовка и штурмовой силе, к сооружению двух водотермальных турбинной у створа буржугой плотины... В эти дни, для самых первых и потому трудных шагов, на стройке трудятся бульдозеристы и каменщики, шоферы и штукатуры, экскаваторщики и плотники. Геологи берут пробы грунта со скважин, разведочных скважин. Фотографы составляют десятки самых лучших кадров. Впервые люди берут камни, отрывая путь дорожке разнорабочих карт. Впервые дробят камни, отрывая путь дорожке разнорабочих карт. Впервые люди берут камни, отрывая путь дорожке разнорабочих карт. Впервые люди берут камни, отрывая путь дорожке разнорабочих карт.

Два года назад нетрудно было сосчитать отин, горешине дачераны и другие. Сегодня весь поселок да и берега реки заняты ярыми, освещающая и земля и горы. И, кажется, над бурным Вахшем встает расклев...

Посреди бурного Вахша высится буровая установка геологов, изучающих дни реки. Пройдет время, и этот снимок станет частью исторической — на этом месте плотина перегородит неслыханное ущелье.

Два аканала — Шариф Нарзин и Абдуназар Назаров — приехали на стройку. Они хотят своими глазами посмотреть на чудо, которое преобразит низину их родного колхоза.

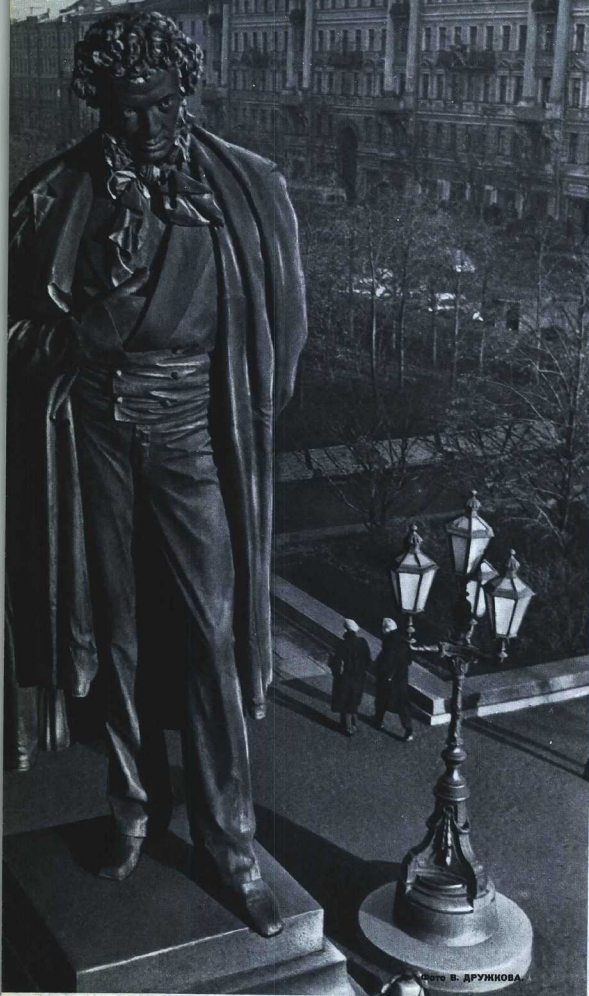

Фото В. ДРУЖИНА

Поисках музейных материалов мы знаем много увлекательных историй, знаем, как идут по «следам» портрета или автографа замечательные авантюры «охотники» — собиратели, исследователи: переезжают из города в город, лазают по чердакам, спускаются в подвалы, роются в старом хламе, звонят в квартиры незнакомым людям, расспрашивают, рассматривают, записывают... Но бываю и другие истории — до смешного простые. Такая история произошла со мной.

Осенью 1958 года было решено создать музей А. С. Пушкина в Москве. Мы начали собирать материал для его будущей экспозиции. Постепенно приходили в наши фоты экспонаты: первые издания произведений Пушкина, альбомы его современников с записями стихов поэта, портреты его друзей и недругов, мебель. В 1960 году у нас была уже не одна сотня вещей. Уже всего дело обостело с портретами самого поэта.

К этому времени и относится история, или, вернее, происшествие, о котором я хочу рассказать.

Пригласили меня на день рождения в дом, где я давно не была, хотя с хозяйками знакомы еще с двадцатых годов — мы вместе учились. Обыкновенная коммунальная квартира со многими вешалками в коридоре. Небольшая узкая комната, где по случаю торжества стоял раздвижной обеденный стол. Между столом и стенами осталась пространство для стульев. Впрочем, с одной стороны стола пространство было чуть шире. И хозяйка, рассказывая гостям, просила их занять места согласно габаритам. Я, пожалуй, могла бы еще сесть на сторону тонких, но заколебалась. Тут меня быстро вывели из нерешительности и дали мне место на стороне толстых.

Ели именинный пирог, беседовали — все как полагается. Стала я рассказывать про музей, про наши находки и приобретения, про портрет Жуковского, недавно купленный, спросила хозяйка дома, имеет ли к нему отношение название в «паспорте» этого портрета фамилии? Да, имеет. Речь идет о его родителях. Я спросила еще что-то, а хозяин посмотрел на меня хитро и говорит:

— Что это вы все спрашиваете про Жуковского и ничего не спрашиваете про Пушкина?

Тут все тонкие стали улыбаться, а толстые пожимать плечами и переглядываться.

— Что спрашивает про Пушкина? Про какого Пушкина? Не понимаю.

Тонкие уже хохочут, а толстые ерзают на своих стульях, поворачивают головы и тоже начинают смеяться.

История одного портрета

Тогда я вскочила, чтобы посмотреть, что там, куда все смотрят. Стуж ударила о стену, и со стены упал небольшой портрет. Это был портрет Пушкина. Никогда бы я о нем не стала спрашивать, если бы он не упал! Был он в рамке из золоченого багета, а не в старинном паспарту, по его поверхности шла легкая волна, какая бывает на подложечной и потом выходящей бумаге. Поэтому он казался простой репродукцией с известного всем портрета работы В. А. Тропинина.

С таким шорохом скользял портрет по обоям, раскатылся о спинку моего стула и развалился. Я подняла портрет и увидела, что это не репродукция, а живописная копия размером на больше листа бумаги, сделанная на холсте. Полотно наложено на картон, но края его идет узкая золотая бумажная полоска с тисненым узором, кое-где порванная. Портрет был очень темен, закопчен, только по краям, где касались раньше покрывалась рамкой, краски казались светлее. Я повернула картон и прочла надпись, сделанную тонким, изящным почерком: «Уменьшенная копия с портрета, заказанного Тропинину А. С. Пушкиным в 1827 году». — Этот портрет украли; он находится теперь у князя Мик. Андр. Оболенского.

Уменьшенная копия сделана в 1828 году Адактыю Петровна Елагину по случаю отъезда Оболенского в чужие края.

Оболенский».

Прочла и остолбена. Ведь копия была снята с тропининского портрета при жизни Пушкина! Конечно, он ее видел! Ведь она принадлежала его другу Сергею Александровичу Оболенскому, которому Пушкин подарил большой свой портрет, сделанный Тропининым в 1827 году! Тот самый портрет, с которым произошла какая-то таинственная история: он был украден, по словам Оболенского путешествовал, и найден лишь через двадцать лет в лапках старьевщика.

— Откуда это у вас? — спросила я у хозяйки дома.

— Этот портрет принадлежал моей матери, а потом мне.

— А кем была ваша мать?

— Внуковой той самой Адактыи Петровны Елагиной — знакомой Пушкина. Я же ее правнук.

Как мало говорим мы о наших бабушках!

— Здесь написано, что копия сделана для Оболенского по случаю его отъезда. Значит, он брал ее с собой? А кто он сделал эту копию?

— Ну, тут уж я вам ничего сказать не могу.

Диалог наш закончен. Начался мой монолог на тему «Музейным вещам место в музеях»...

...Прижизненная копия, сделанная в Москве москвичкой А. П. Елагиной для родственника Оболенского... Московский музей... Молодой музей...

Уговорили! Выпросили! Помогли славные молодые дамы Адактыи Петровны Елагиной. Портрет тут же был завернут, перевязан веревочкой, и я его унесла.

Вот, собственно, и вся история нашего. Вы, конечно, разочарованы. А мне это происшествие очень понравилось. Как замечательно все получилось! Портрет поэта свалился не на кого другого, а на сотрудника музея Пушкина. Разве это не замечательно?

Отдали мы портрет в золотые руки художника-реставратора А. Д. Корина. Он его помыл, почистил, закрепил осыпавшуюся красочную слюю, наклеил на новый холст — залобрировал. Висит он в одном из залов музея в старинной рамке — такой, каким он был в 1828 году, когда его сделала, чтобы Оболенский мог, расставаясь надолго с тропининским подлинником, увести с собой образ Пушкина.

Теперь я знаю об этой маленькой копии, путешествовавшей с Оболенским, гораздо больше, чем узнала тогда, когда подлила ее в пола. Знаю, когда была сделана надпись. — В 1870 году, незадолго до смерти Оболенского. Для этого надо было сравнить его почерк с письмами разных лет. Знаю, что Оболенский заведая вернул этот портрет А. П. Елагиной после своей смерти. Это слышал от него издатель «Русского архива» П. И. Вартен, только он не знал, о какой копии идет речь. Знаю я и то, что Оболенский, тяжело переживавший провалу тропининского подлинника, очень дорожил этой копией. Все это вычитывалось из воспоминаний современников. Кое-что в этих воспоминаниях было раньше непонятно, а теперь, когда обнаружилась копия А. П. Елагиной, прояснилось.

Висит у нас портрет над круглым инкрустированным столиком XVIII века. Это столик из дома Ушаковых на Средней Пресне (теперь улица Загоронная, 16). У них Пушкин проявил немало счастливых часов и, может быть, еще за этим столиком, рисовал себя в те годы, когда обнаружилось в лагунном венке, то на конке в бурке с пилкой напереве, то в монашеском клобуке. Такова история пушкинского портрета.

Н. БАРАНСКАЯ,
заместитель директора
Государственного музея
имени А. С. Пушкина.

ТРИ ФОНТАНА СЛЕЗ

Фонтан любви, фонтан живой.
Принес я в дар тебе
две розы.
Люблю немолчалив
говору твой
и потчешный.

В этих пушкинских строках отражено реальное событие. В 1820 году великий русский поэт поселился в знаменитой Бахчисарайской Фонтане и оставил в его верхней чаше два прекрасных цветка.

Фонтан, воспетый А. С. Пушкиным, был построен в 1764 году иранским мастером Омером по приказу повелителя Крыма Гирей, у которого умерла любимая жена. Тронный захотел увековечить свое горе и объявил об этом иранскому мастеру. Омер сделал под «глубокой» аркой три ветровых розы, из которой непрерывно сочится вода. Арка оформлена в стиле восточной архитектуры. Гирей остался очень доволен розой, символизирующей плачущий люд.

Советским людям бахчисарайский фонтан дорог прежде всего своей связью с именем А. С. Пушкина. Этот памятник вдохновил поэта на создание замечательного произведения. И поныне в вер-

ней чаше Фонтана не переродится красная и белая розы. Их кладут туда бесчисленные поклонники пушкинского гения.

Второй фонтан слез был сооружен в первой половине XIX века у знаменитого воронцовского дворца в Алупке. Этот памятник значительно отличается от своего прототипа. В нем стало больше чашечек, и они увеличены. Хотя и сохранена арка, но она сделана уже не в восточном стиле, а из легких колонн с резными капителями.

В начале пятидесятых годов прошлого столетия появилась сразу несколько фонтанов слез. Но до настоящего времени в нашей стране сохранился лишь три фонтана слез.

Часто возникает вопрос: не являются ли алуптинский и ленинградский фонтаны копиями бахчисарайского? Отнюдь нет. Они разные не только по своему архитектурному оформлению, но и по замыслу. Это самостоятельные произведения Отнюдь нет. Они разные не только по своему архитектурному оформлению, но и по замыслу. Это самостоятельные произведения Отнюдь нет. Они разные не только по своему архитектурному оформлению, но и по замыслу. Это самостоятельные произведения

П. МОРОЗОВ

Крым, Евпатория.

ЗНАЕТ ЛИ ВЫ, ЧТО...

• Произведения А. С. Пушкина издавались в СССР на 84 языках, 2 049 раз, общим тиражом 95 961 000 экземпляров.

• 30 опер и балетов написаны на сюжеты Пушкина. Пьесы великого писателя, оперы и балеты по его произведениям ставились в 150 театрах Советского Союза.

• 16 художественных кинофильмов по произведениям Пушкина, 3 фильма в жизни поэта, 11 научно-документальных фильмов, посвященных Пушкину, создано в нашей стране.

• Первый памятник Пушкину в России был открыт в Москве в 1880 году.

Первый памятник Пушкину за границей был открыт в 1937 году в Шанхае (Китай). Сейчас памятники великому русскому поэту установлены в Варшаве (Польша), Бургасе (Болгария), Веймаре (ГДР), Предлесе (Чехословакия).

• Еще при жизни Пушкина его произведения переводились на французский, итальянский, английский, немецкий, чешский, польский и сербский языки.

• Около 20 раз издавались на английском языке «Капитанская дочка» переводчицы Евгении «Пинюва» дамы-Бонне 600 переводов «Пинюва дамы» сделано во Франции, немногим менее переведлись «Выстрел» и «Капитанская дочка».

• 1 169 переводов произведений Пушкина (368 названий) издано в Венгрии с 1949 по 1952 год. Это в несколько раз больше, чем за предшествующие 150 лет. За эти же годы в Венгрии было напечатано более 200 статей о поэзии и творчестве поэта.

• На болгарский язык «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» переведены свыше 100 раз. Стихотворения 193 года там было напечатано 100 статей о Пушкине.

• Свыше 300 произведений Пушкина переведено в Китае. К творчеству поэта обращалось более 60 переводчиков.

• Более 600 раз переводили Пушкина в Польше. Лучшее по известности 250 его произведений. В 1938 году в Польше был объявлен конкурс на звание переводчика одного произведения Пушкина. Стихотворение «Я помню чудное мгновенье» было представлено в 220 переводных вариантах. А в 1948 году Польша была опубликовано 1 300 статей, заметок и корреспонденций о великом поэте.

• Более 300 статей и исследований о Пушкине написано в Чехославии.

Вл. МИЛЕШ

Фото А. МАЛКИНА.

ТАЙГА, ОХОТНИКИ

(ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА)

В тайгу, к лесным людям

Каждый раз, возвращаясь из дальней поездки, я ловлю себя на том, что раскидаю о ней почти ничего с полета. С удивительной скоростью пролетают дни, позволяющие гонимым гигантские расстояния по планете.

Вчера в Москве. Сегодня во Владивостоке. И снова в воздухе. На этот раз на вертолете. Под округлым бронюм ИМ-44 — тайга. Здесь не покое на синицушку. Та стелется тайгой не покоем, а затаившейся медной — листья дубов не опадают круглый год, — а дальше Флюнтова, а еще дальше дымчатая.

Я любящая лесом, пыталась сосчитать оттенки серого цвета, в который окрашены дальние хребты Сихотэ-Линга, но сбился.

Под нами шоссе. По нему бесконечные потоки бегут тяжелые автопоезда. Они везут руду (Сихотэ-Линга — богатейшая издалека цветных металлов), другие — уголь, третьи — школьные парты. В распадах то и дело попадаются светлые посетил горняков.

Земля обжитая, земля уже обжитая. А ведь по этим самым местам мучительно трудно пролазил тайгу, брал с собой толь и бурелом Владимир Иванович Арсеньев с другом своим Десу Уэльс.

Машина поворачивает на северо-запад. Полянок все меньше. Их больше не видно. Кругом, уперлась в горизонт, — Уссурийский тайга. Таяч происходит так за часом.

Наконец, дворца вертолета открылась, и торжественно зазвучал пеленый голос председателя артили «Охотник» Назма Константиновича Мисака.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! На белом поле нас ждала казакыда ма-

леньных розоватых. На них — ящики и тюки. Только что перешла нашей вилковой машиной лесной тайги, привезшая грузы для артили. Когда мы распломились с одной из лозозов, парнем-новово попросил меня поперекнуть мечто длиннее и легкой, обманчивой километра два и онадальше в большом овраге село Красный Яр. Сюда со всей округи сейчас переиздается семьи таевинок. Красный Яр — это один из новых центров, где уже сейчас есть все, чему надлежит быть в современном селе и школе, и клуб, и магазин. В общем, обыкновенное село.

Люди без всякого сожаления покидают дальние стойбища, где нет ни радио, ни электричества, куда с трудом доходит почта, оставаясь с неудобные, ветхие домишки — полуземлянки.

С помощью Советского государства, отпущившего артили миллионный кредит, выработано село, благоустраивается Красный Яр — село охотников. Детей охотников. И впуск охотников.

Избы-пятистены стояли среди могучих пихт и елей, спланились уперлась в стену леса. Хрустели, как неокрашенные, дощатые тротуары, покрытые плотным слоем исторического снежного порошка. Выхажал лежачий, а репортёр диктор рассказывал о снеге, выпавшем вчера в дальном Китае.

Сами ступились о пень, рывок надренкини, сверток вынул, трясца развернулась — под ногами у пень лежал скелет человека. На нем висели пустые глянзины.

Возника прорывно сосочили с саней, подхватила мостки и пошла его рядом со мной.

— Хорошо, что учитель биологии не видел. А бы достался бы мне.

Я представил себе на минуту, какой ужас охватила бы в подобном случае банугу Десу!..

Щит Ахилла

И самооблуживание

Утро. Солнце превратило в золото заливешини. Интернетовода. Снег, еще только что голубой, стал розовым. Чудотой поитый, красной лимонина. Мы шли и не перестали здороваться.

— Здравствуйте! С добрым утром!
Здравствуйте, здравствуйте!
Длинной цепочкой детвора тинулась в школу. Уада мы шли и мы.

Басилий Ботаничев Суляндизига — заведующий учебной частью школы-интерната, недавний выпускник Хабаровского педагогического института, математик и активный номсомолец — удовольствием взялся показать нам школьный азимут.

Записчик, пожелавший: все дети школьного возраста, естественно, учатся. В начальных классах — 48 человек, в старших — 55. Итого — 143 учащихся. Все дети народов Советского Союза находитесь на полнор государственном обучении.

Басилий Ботаничев достал тобою тетрадь, в которой у него записан и ежедневный рацион интернатной столовой и во что обходится государству выдаваемая бесплатно школьная одежда — форменные костюмы и платья, пальто, шапки, валенки, боты и т. д. И сколько учебником получено и какие пособия еще закупаются где-то на складах в городе.

Уроки в первой смене уже начались, и мы решили осмотреть живые помещения интерната. Большой бранчатый дом. Большие окна. Чуть дальше строится такое же здание. Это общежитие учеников.

В коридоре нас встречает одна из воспитательниц интерната, номсомолка Светлана Уада. Светлана пытается быть строго официальной, но это ей, и, к счастью, не очень удается. Хоронича улыбка озаряет ее лицо: она говорит о мальчиках, о тех, что даже еще не «перевалили», о мальчишках и девочках из «интернатной массы» — есть в этой школе и тамож. Хорошо, очень хорошо это придуваю. Подготовительный класс позволяет ребятникам сделать быстрый шагоч в новую для них, почти городскую жизнь. А Светлана отлично знает тайгу. Она ведь училась в Хабаровске.

В общежитии мы увидели Валу и аккуратно застеленные кровати, и порядок в шкафах, и бытовую химию, где можно постирать платок, и выключатель, и подвешенный бачок.

Мы особенно понравился то, что здесь не казарины, а подвешенный бачок.

— Главное, — голозом детвора сообщает нам Светлана — это, конечно, выключатель. Трудовые навыки с первых же шагов школьной жизни. У нас в интернате делают все, что возможно сами. Номсомольские артили на время освобождения заготовили для школы дрова. А вот наклонники они и сплюну! Ученики на кухне, в котельной, разност по столам обноси, умывни и заваривания. Причем так уже повелось, что шарденшассински без всякого напоминания помогают младшим. Короче, большая дружная семья.

И многонациональная, — добавляет Басилий Ботаничев.

Математики и тут остался верен себе. А учка, подсчитав. Сколько в нашей школе национальностей? Уздегичи — раз, наманья — два, русские — три, японцы — четыре, японцы — пять, якуты — шесть, таи — семь, украинцы — восемь, татары — девять, итаицы — десять.

Десять национальностей под одной крышей. Саргалзай украинец Коля Харчук и черноплодный лесоток Лидарин — мальчик и девочка, мальчик лисац Со Янча и толсточик, молчаливый, любитель поест уздегичи банугу. Все они очень разные. (Впрочем, одинаковые люди! Но очень похожие на планетак Югории и Австралии. Причем так уже повелось, что охотников. Потом доверительно сообщает:

И в шарфери, и врачом, и учителем, и летчиком, и...

Словом, всем, кем может стать в наше время человек. И этот нем — человек. Обыкновенные дети, в обыкновенной школе, в обыкновенной тайге.

— Пятый класс. Идет урок истории. Девочка у доски сначала несколько смущена. Потом, взяв себя в руки, бодро рассказывает о первобытных людях.

— Готовясь к новому году, греши построились в ряды, чтобы рассказать о первобытных людях. В ряды трюнкоч на колеснице вращался колесо. Колесо поворачивало Гентора. Как делуша медуа.

Кончилась древняя история дальних гринов. Началась новая. Разноязычная история о мальчике и девочке, о саводейных охотничьих ножах первобытных людей, о добытых ими охотничьих старинках. А юные их канто показывал брат. Он наш первый номсомолец в саводейных старом селе.

А на что биологии приношею конфузу. Мы бы сиделись там, нам Люда Уац чуть было не получила доводу.

— Разными горят этноиды, — сказала учитель.

— Этноиды, это, что...

— Растения горят этноиды.

И тут кто-то истра подказал:

В отдаленных местах бываю, когда никак-никабу биологии никак нечего учить в саводейных. Девочка вспомнила все, что читала про эпи-

Члены артели «Охотник» детально прорабатывают план очередной «соболевки».

Всё особого труда дается маленькому Кануга — слуху, зрению и правую охотничью — первые шаги в школе.

девию. Рассказывала она снухо, поминкино-му. Тева была ей совсем не знакома.

А мне, «чужому дяде», забравшись на заднюю парту (ее здесь по понятным причинам «Канчатно» не называют), очень хотелось похвалить: «Юда, твои деды хорошо знали, что такое эпидемия. Только они, конечно, называли это совсем другим словом. Арснейев — а его инники ты, наверное, знаешь — в одной из них говорил о страшной беде, постигшей твой народ: от зимарны чумы в этих краях из 772 детей погибло 478. Это было в 1909 году. Твоей дедушкой, наверное, помнит этот лютый год...»

Мы переходили из класса в класс. И все здесь было так же, как в Москве или Риге, Рязне или Киеве, как в любой другой нашей советской школе.

...Раздался звонок. Ребята с шумом вывалились во двор. Одни начали аэробку возно, другие злились за снежки. Лесное эхо далеко разносило всеелый гомон детворы.

Вечером в открытом карандашом месте в «Приамурских ведомостях» № 49 за 1901 год. В отчете об удачных говоримоссы: «Рождество здесь очень слабо, и ребят можно встретить не в каждой юрте. Зато шаман имеется в каждой юрте... В гримных юртах из-за дыма не переварятся глазные болезни, здесь сини прочное гнездо трахомы и оспы. Здесь не имеют представления о врачах, не знают о мляе».

Победила жизнь

...В юрте темно. Тускло горит огонек в пласке. На шнорках лежат дедушка. Ей худо. Очень худо.

Она стонет, и мороз пробегает по коже, мороз, хотя в помещении очень тепло. Над большой спянолдас мать. Она в неутешной горе: дотлакает огонек носами. Дочь уходит в небытие. Злые духи вот-вот уведут ее с собою.

Ой, как нужен шаман! Придется отдать ему последнее, что осталось от охотника — мужа. Его в тайге разорвала рысь. А теперь злые духи и за дочерью пришли... Стурха плачет. Слезы и на глазах присутствующих.

Появляется шаман. Бубен, пояс, увешанный металлическими безделушками. Чадит жаровня. Бубен звучит все громче, громче. Еще громче... Шаман извивается, орчитися над красными углями, воет, как плохо слоенная печь. А девушка совсем плохо. Рука ее бесцельно падает. Она затихает.

И вот в юрту входит... врач.

Он в белоснежном халате. Девушка встает: новая жизнь победает!

Под сводами нуба села Красный Яр гремит аплодисменты.

Аплодируют старые охотники, хитро переминившись с серьезными супругами, аплодируют школьники, аплодируют врачи и медсестры сельской больницы, Аллодрюер и мы.

Шаман, конечно раскиснлась, прыгает со сцены в зал. Снимает пояс, халат, улыбается: это девушка!

На сцену выходит комсомольский организатор артели «Охотник» Павел Судинга.

— Вымпяно, товарищи! Роль исполнили: шаман — Евгений Суанка, мать — Екатерина Уза, доктор — я.

Сидящий рядом со мной начальник почты довольно улыбается:

— Нашиштаном комсомольцы шамана. Прежде его играл один парень. Он недавно учился в институте уезжал. Как видите, и новое наше село без шамана не обходится!

Потом серьезно добавляет:

— Теперь эта сцена так — шутка, не более. А еще десяток лет назад это была типичная форма агитации в борьбе против тенькы и суеверий.

Гармонист заиграл манайский вальс. Молодежь стала танцевать. Вечер самодеятельности продолжался...

Красный Яр — Москва.

Комсомолка Светлана Уза — старшая сестра всем воспитанникам интерната. Снимок среднего.

Одна из приятных обязанностей — дежурство в столовой.

В этой таежной школе интересно дружно живут дети десяти национальностей.

ИЗ ПЕРЕНИЕМ

А. ЗИЛЬБЕРБОРТ, мастер спорта

Каждое утро на бульвар имени Гайнына выходит человек в синем демисезонном пальто. Он толкает перед собой детскую коляску. В коляске — трехмесячная девочка. Человек крепко сжимает багровую металлическую ручку, и тогда выдвигаются суставы на его пальцах — нервные, бугристые, чуть припухлые. Он идет медленно. Задушевно смотрит на девочку, на свои руки.

По реьясам бежит травяной звонок. Человек улыбается. Это здорово похуже на гонг.

Гонг!.. Губы сжимаются в узкую полоску. Приподнимаются плечи. Взгляд становится настроженным и острым. Двое стоят друг против друга. Рефери полагает им на плечи руки, что-то говорит, но они не слышат его слов. Рефери похлопывает их по плечам. Он и сам был прежде боксером. Он слишком много знает об этих посиделках служдах. Он понимает, что его не слышат. Он и сам никогда ничего не слышал перед боям. Но так же обычно — рефери должен что-то сказать. Что-то теплое. Два-три слова...

Так было и в Београде. Их ввели в комнату одновременно. Это была маленькая комната. Ее называли «средбаньонком». Здесь боксеры заканчивали последние приготовления к бою. Здесь они знакомились друг с другом и с рефери. Фамилия рефери — Кенни. Он итальянец. Он взял боксеров за руки и назвал: — Алош Туминьш, Советский Союз, Марьян Каспшик, Польша.

Каспшик был в халате. Туминьш никогда не видел его так близко. Правда, они встречались в коридорах гостиницы и в ресторане. Они даже здоровались. Но неизбежной боли между ними казалось тогда слишком далекой, и они не хотели думать о нем прежде времени.

Каспшик здорово походил на венгерского боксера Ласло Папша. Такой же коренастый и широкоплечий с могучими руками. У него такое же, как у Папша, широкое лицо монгольского

типа. И даже в бою он стоял так же — во фронтальной стойке, лицом к противнику, готовый нанести сокрушительные удары. Сейчас Каспшик был хорошо подготовлен. Это видел все. В предварительном бою он легко победил австрияка Кенгита и венца Давида. Все три раунда он играл с ними, как кошка с мышкой. Он знал, что за ним наблюдают, и дрался эффектно. Его победил своим рода психологической атакой на Туминьша.

Туминьш ответил тем же. Он тоже победил двух боксеров: итальянца Пьяццо и румына Михаэлика — и тоже в отлаженном стиле. И вот теперь они стояли рядом в маленькой комнате и ждали...

Как трудно ждал! Оба они выгладили споконными как ни в чем не бывало. Лишь бы скорее. Они стояли рядом и всем своим видом выказывали полное равнодушие к происходящему. Это тоже входил в планы психологической атаки. Через несколько минут они будут кружить по рингу и думать только об одном — ударить противника, сломать его, подчинить своей воле. Каспшик, наверное, сразу бросится вперед. Он всегда делает. Ему выделен обмен ударами. В этом обмене он сильнее. У него очень сильные удары. Нужно не поддаться на них. Нужно отступать, встречать левой и контратаковать. Нужно дать ему возможность удариться.

Пусть поработает. Сокуманд Туминьша Сергей Шербакон в раздевалке сказал: — Да! Каспшику поработать. Пусть покажет себя. Потерпит. Пусть выложится. Только не злись. А потом покажи ему. Покажи, что тебе его удары ничем. Выведи его из себя. С Каспшиком это самое милое дело. Пусть разозлится. А ты будь споконнее.

...Ринг. Красный и синий углы. Белые канаты. Серый брезент. Сноп света в центре. Ринг весь залит светом. Когда привычным движением вырваться под канаты, ступить в свой угол и смотреть в зал, он кажется темной пропастью. Лич не видно. Только гул голосов.

Фото А. БОУНИННА.

И вдруг ясно доносится: «Каспшик, Каспшик!» Это две тысячи польских туристов подбадривают своего любимца. Значит, Каспшик уже на ринге. Нужно повернуться и идти в центр. Туминьш поворачивается. Рефери в белых бровках, в белой рубашке с белым галстуком-бабочкой. Боксеры скокятся. Подходят друг другу руки. Кенни чуть отталкивает их. Надо повернуться и идти назад. Сейчас! Спокойно. Туминьш! Руки сжимают канаты. Сейчас! Только выдержать первую минуту. Потерпеть... Гонг!

Если бы Туминьш просмотрел польские спортивные газеты, если бы он понимал польский язык, то знал бы, что все специа-

листы советовали Каспшику в бою с Туминьшем избрать необычный для себя тактический ход. Они рассуждали так: Туминьш техничен, подвижен, вынослив. «Переиграть» его Каспшик не сможет. У него есть только один надежный шанс — выждать, когда Туминьш сам пойдет в атаку, выждать, когда он откроется, допустить ошибку, и повлиять его на удар. Накупировать нам бросить в колыдан, а потом добить.

Но Туминьш не знал ничего этого. Когда звякнул гонг, он резко повернулся и пошел навстречу Каспшику, готовый выдержать первый матч.

И сразу же произошло волшебное. Ринг — его стихия. На ринге он как дома. На ринге все чувств его обострены до предела. Дистан-

ция... Он не думает о ней. Он ее чувствует. И направление ударов, и углы ринга, и канаты за спиной — абсолютно все. Он перенервничает левыми боковыми шагами. Немного вперед и в сторону. Шаг — резкий удар левой. Еще шаг — еще удар. Каспшик едва уловимым движением ныряет вперед-вниз. Перчатка Туминьша режет воздух. Туминьш проваливается. И страшный боковой удар обрушивается на него. Спину обжигают канаты. Польские туристы вскакивают.

— Каспшик! Каспшик! Когда Алош спровадился, то понял, что удар неизбежен, и каким-то инстинктивным движением в самый последний момент сумел закрывать плечом. Это нелепо смычало удар. Ринг по-

качнулся. Гасстук-бабочка на рубашке Каспики зашуртала и... встал на место. Каспик вскричал счастье, что он успел подставить голову. Каспик, забыв о защите, бросается вперед. И тогда Алоиз проводит свой коронный удар. С шагом правой вперед, он бьет правой рукой в голову. Этого удар не выдерживает никто. Алоиз. Только Туминный. Правая действует молниеносно, как катушка. Он видит, как дергается голова Каспики. Бьет левой. Потом припадает к нему и проводит серию ударов по корпусу — левой, снизу, правой, снова левой. Он выматывает как раз то самое время, которое необходимо ему, чтобы окончательно прийти в себя.

И снова он в центре ринга. Каспик опять «ловит» его. Для Туминного это все равно, что идти по проволоке. Одно неверное движение — и полетит вниз. Но, наверное, за это он и любит бокс. Сила. Скорость. Риск. Знать это и все-таки снова и снова выходить в защитный электрический светом квадрат ринга. Снова и снова испытывать свое мужество и убеждаться, что оно у тебя есть.

Да есть. Туминный идет вперед. Бьет левой. Неожиданно — коронный удар. Слово дергается голова Каспики. Он застыл. Бросается вперед, но всякий раз Алоиз опережает его. На один удар он отстает. Агуме-реву. Атак Каспики не достигают шеи. Он врет в ближней бой. Входит под руку. Короткие удары. Но и Туминный отвечает такими же пулеметными сериями снизу. Неважно Каспик захватывает его руки, «яжет» Кекки бросается меж двух имен, кричит: «Врет!» — расталкивает. Они чувствуют разгоряченные тела друг друга, преимущество джанди.

Тонг!

Шербак ставит в угол Гасстук. Алоиз подхватывает. Уб!

Дышать. Глубже дышать. Руки на кавалит. Ноги почти выпрямлены. Ни одного удар джанди мускула. Шербак черкает ладонью во-

ду, выслекивает ему в лицо. Кладет мокрое полотенце на грудь.

— Хорошо, Алоиз. Радугой. Только давай Каспикку работай. Выводи его из себя.

Алоиз кивает головой. Шербак обмахивает его сухим полотенцем. Летит брызги...

...Может быть, это брызги холодного и прозрачного лесного дождя, недалеко от которого раскинулся его родной хутор Арвинский. Маленькой ой чсто бывала на этом озере. Потом он перешел в город. Поступил в рижское ремесленное училище. В группе было одиннадцать таких же, как он — деревенских. Остальные — воспитанники одного из рижских артефак домов, в которых недоубавили доверенности. Это, наверное, неслучайно от прошлого. Сейчас смешно вспомнить. Но в то время горожане полагали их в длинных полуметрических коридорах училища и учили. Туминный был самым слабым. Ему доставалось больше всех. Он замас на свое слабое тело, но ничего не мог поддать.

И тогда он пошел в секцию бокса общества «Городские резервы». У него был все «музык» и темперамент. Тренер Альберт Фомит Лавринович посмотрел на него и, хотя в душе назвал «коричневый» изюм. Его подкупил хорошая координация движений у мальчишки. Лавринович ценит это качество в начинающем боксере выше всего.

— Мышцы можно нарастить, выносливость и технику приобретать в тренировках, считал тренер, — но координация движений — это некоторой степени природное качество.

У Туминного оно, определенно, было. Еще в шесть лет Туминный встал. Он видит, как встал Каспик. Тренер Штамм что-то быстро-быстро говорит ему и показывает движение. Каспик кивает головой.

Боксеры идут навстречу друг другу. Теперь не может быть разведки. Все ясно. Туминный заранее знает, что сейчас Каспик бросится в атаку. Он проигрывает. Об этом наварила говора ему и Штамм. Так и так не может провести хороший удар. Он нервничает... и бросается направо. Удар! Кажды такой удар может бросить Туминный на пол. Нужно только попасть. Попсть в цель... Однако Туминный неудачно. Он на какое-то мгновение опережает Каспикича. Он ударил. Но Каспик, давай. Каспик! Когда ты устанешь, тогда бы мне ни разу не ошибиться. Давай, Каспик! Когда ты устанешь, ты поймешь, что ничего не тебе сделать со мной. И тебе станет все безразлично. Ты будешь драться по инерции. Только потому, что ты не привык сходять с дистанции. Только потому, что ты боишься. Но этого будет мало. Если я выведу тебя вперед, тебе придется понять еще, что я могу сделать с тобой все, что хочу. Только бы мне не опоздать.

Тот Каспик выносил, как буйвол. Он лезет и лезет. Алоиз видит, что Каспик уже начинает уставать. Все размеченный его удары все замечает. В ближнем бою он наваливается на Туминного. Пора.

Туминный «вырывается» Левой, левой. Каспик растерял. Откуда у Туминного столько энергии! Может быть, это аватары, короткая ступь, чтобы испугать Каспикича. Туминный бьет левой резко и жестко, как в начале боя. Каспик у кавалит. Он опущен их. Сей-час Туминный наступит в угол правую. Каспик ждет. Но Туминный бьет левой, левой. Каспик мечется. Пытается уйти назад. Но острей удары возвращают его на место. И правая Туминного снова

угрожает ему. Удары Левой, Левой. Каспик растерял. Туминный по-прежнему бьет только левой. Он знает, что может бить правой, и не бьет. Пусть Каспик все время чувствует угрозу. Пусть он окончательно потеряет равновесие. Левой. Левой. Каспик видит правую. Он чувствует, что сейчас Туминный ударит в голову. Удар нет защиты. В бессильной ярости Каспик бросается прямо на Туминного. Шаг назад. Правая бьет. Каспик отступает и падает.

— Перед ним десять Туминных, десять правых. Туминный бьет Левой. Каспик падает. Он смеется.

Тонг!

Туминный идет в угол. Шербак ставит табуретку. Доносится голос джанди.

— В красном углу — Алоиз Туминный, Советский Союз. Чемпион СССР 1961 года. Он провел в ринге 176 боёв, из них в 158 одержал победы.

Шербак смывает полотенце. Махнет. И снова Алоиз и Каспик бьются.

176 раз выходи он на ринг. Началось это в 1957 году. Он работал тогда самым востребованным бойцом в Бомбарский, худощавый, совсем мальчишкой. Перед каждым боем тренер Лавринович хлопал его по плечу и говорил:

— Будь мужчиной. Дерись, Алоиз!

Он держалсь совсем неплохо. Однако ему чего-то не хватало. Скорее, тутюжко. То мужество, то выносливости, то внимательности. А может быть, он был еще немного «сырчатым», как говорили опытные боксеры в то время. В 1959 году все четыре предфинальных боя он выиграл как явным преимуществом. Финал Туминный — Шейкман. Алоиза Шейкман — удивительный боксер, «король сюрпризов». Он может победить самого лучшего. Ни слова поблагодарил проиграв второразрядного бойца.

...Алоиз обыгрывал Шейкмана. Он был собран, точен и резок. Втор раз... На какую-то секунду Туминный забыл, с кем имел дело, и потерял бдительность — и тут же оказался на полу! Он заставил себя подняться, но Шейкман снова сбил его с ног...

В 1960 году он дрался в финале с Володей Каримовым. И снова поблагодарил лезть не ему. Но это было уже последнее поражение. С тех пор он не проигрывал. Он стал чемпионом страны. Причем в первом же бою встретился с Каримовым и победил его... Да, все 1961 года он не зина поражений... Шербак вынимает у него полотенце, кладет на него шапку. Пора вставать. Он встает. Он чувствует себя здорово. Он выматывает снова, и снова, лезет вперед и вперед, то что уже сделано в первых двух раундах.

Алоиз идет вперед. Левой, Левой. Шербак вынимает полотенце. Правая потрясает Каспику. Тот пытается ответить, но Туминный уже на дистанции и снова готов к атаке. Словно Каспик тут же потерял равновесие. Шербак вынимает полотенце, кладет на него шапку. Пора вставать. Он встает. Он чувствует себя здорово. Он выматывает снова, и снова, лезет вперед и вперед, то что уже сделано в первых двух раундах.

Вынает, к боксеру приходит вдохновение. Да, именно вдохновение. Он видит путь и все чувствует. Он реагирует на малейшие изменения ситуации. Он словно обаявшийся нерв. Это случается тогда, когда отдаленные воспоминания сочетаются с моральным подъемом. Именно такое вдохновение испытывала и Туминный. У него выдалось много боёв, но в последние времена казалась неистощимой. Всем было ясно, что Каспик уже ничего не сможет сделать. Но Каспик не привык сдаваться.

Раунд длится три минуты. Но когда ты противнишься, это время кажется неизмеримо длиннее. Так казалось и Каспикку. Только не давая Туминному бить. Каспик наваливается на него. Ловит руки. Захватывает. Кекки захватывает их.

— Брек!

И Алоиз, прежде чем снова вступить Каспик припадает к нему, успевает выслить серию ударов. Так казалось, что снова, снова в углу. Это последний раунд. Нужно отдать все. И он идет и идет вперед, хотя у него тоже нет сил. Он заставляя себя бороться с усталостью. И о том, как ему трудно, знает он один...

Звучит гонг. Туминный и Каспик обнимают друг друга. Оба они пожимают руку Кекки и идут в свои углы. Каспика окружает жужжание. Что-то говорят, но Каспик как будто глухой. Он проиграл. Он это знает.

Шербак расшнуровывает боксерские перчатки на его руки. Входит раунд. Он берет жером. Кекки, перенюхавшись через канаты, о чем-то говорит с судьями. Потом снова берет боксеров на центр. Они подхватывают Кекки и берет Туминного за руку и поднимает его вверх.

— Победа! Туминный!

***

...Каждое утро на бульвар имени Райниса выходит человек в синем демозеиновом пальто. Он то шагает перед собой детскую коляску. В коляске — трехмесячная девочка, его дочь. Навстречу идут прохожие, здоровые и слабые, старшие и младшие.

— Привет, Алоиз!

Он кивает головой.

Тут нет ничего страшного. Это хорошо. Райниса и Алоиз Туминного, чемпиона страны и Европы по боксу.

Я никогда не увлекался ни фидативной, ни кумизвативной. Иногда не собирал автографов знаменитостей, не кланялся у друзей обертки от британских лезвий или спичечные этикетки. Меня это не волновало. Но вот с недавнего времени во мне неожиданно пробудился интерес к коврам. Трудно объяснить, почему именно к коврам. Да это и не имеет значения. Ведь нелегко объяснить танке страсть к маркам или монетам...

В Ленинградском Эрмитаже я видел ковер, сотворенный, если верить специалистам, веком двадцатью назад. Я любовался изделиями великих умельцев Востока. А три недели назад побывал на ковровом комбинате, расположенном неподалеку от Москвы, в Люберцах. То, что я увидел на комбинате, удивило и вместе с тем обрадовало меня. Главный инженер комбината, узнав, что я интересуюсь новизнами образцами продукции, направил меня в химическую лабораторию. Откровенно говоря, я не понял, почему в химическую, но тем не менее последовал совету. Начальник лаборатории Зинаида Ивановна Курочкина положила передо мной на стол несколько сравнительно небольших ковровых «отрезков». Рисунок их был красивый, толщина соответствовала предвзято с добротности. На мой взгляд, это были обычные ковры — родные братья тех, чья история исчисляется столетиями. Примерно в таких словах я и выразил свое отношение к новизнам образцов.

Не совсем обычные, — последовала короткая реплика, после которой один из образцов самой яркой расцветки был безжалостно обрызган раствором ярко-синего ирисцианела... А в следующую минуту влажная губка с легкостью и ловкостью, правдоподобным лишь в фокусе, стерла с ворса все следы. Будь это шерстяная ткань, не обошлось бы без вмешательства химиката!

— Ну как?
Вопрос, естественно, относился ко мне, но я просто лишился дара речи и ответил какой-то ничтожной выражающей улыбкой.
Затем был проведен эксперимент с машинным маслом. От него тоже

ЗНАКОМЯЖУХОКО

ЧЕЛОВЕК НА ДРУГОМ КОНЦЕ ПРОВОДА

не осталось никаких следов. Это походило на чудеса. Тут и вспоминаю, как пару дней назад бабака отчитывала моего пятилетнего сына за то, что он занюхал сыпучий гранатовый союм. Она долго втолковывала внуку, что отщипать такое количество невозможно. Даже в порчагашином растворе «Новости». Вспомнил этот порчагашиный разговор, я хотел было спросить: «А если сыночек граната...», но воздержался. Забегая вперед, скажу, что и гранатовый союм бесследно оставил на ковре следы ириски, они удаляются с такой же легкостью, как пятнышки засохшей грязи. Этот опыт я проделал в тот же день вечером, вернувшись домой и прогнав с собой для исследования кусочек удивительного материала...

— Эффективно, не правда ли? — спросила Зинаида Ивановна.

— И да, — только и произнес я. Но не в этом самое главное достоинство нашей новой продукции. В конце концов не так уж часто приходится на коврах мажущие масло или краску.

Объясняется, новый ковер не выгорает на солнце, его можно как угодно мыть и скручивать: он тут же восстанавливает свою первоначальную форму. Разосланный на пед, он будет служить долго и прочно: обмочить: ворс ковра уругр и чем. Ему не страшна вода, никакая плесень и плесень его внешнего вида.

Что это за новинка? В сущности, все объясняется просто. Дело в том, что в нашем комбинате впервые в стране при изготовлении ковров ввели натуральную шерсть полевой лавсан — новый чудесный синтетический материал, популярный советскими химиками. Именно лавсан, сохраняя бархатистость поверхности, придает ковру неубывающую эластичность, о которой здесь рассказано.

Но это только начало сказаты применили лавсан... Каних трудов стоила переборка эта замена! И не одним лишь высказыванием задачу решаю два коллектива — нового комбината и Научно-исследовательского института полуриндотом и красителям.

В своем естественном виде, то есть в том виде, в каком он выхлещет из производства, лавсан — серно-белая примка. Для того, чтобы заманить на шерсть, лавсан оботке ковров, лавсан надо окрасить по крайней мере в пятьдесят цветов. Но первые попытки использовать известные способы окраски, применяемые при обработке шерсти, оказались полной неудачей. Лавсановый, густой, чудесный белый волокнистый лавсан — оказался строптивым. Он не поддавался окраске цвета, не поддавался действию красителей, он как бы отталкивал их от себя. Предстояло резко повысить гигроскопичность материала, изменить его соотношение и красителям, а этот процесс оказался очень трудным!

Конечно, можно было махнуть на все руки и пойти на поиски и изобретения фирмам. Но это означало бы признание в собственном невежестве. И тому же моему директору и инженеры искали принципиально новое решение задачи. В результате окраску материала подобно того типа ведут в специальных автоклавах, а у нас решили использовать обычные установки...

Сколько опыта проявил советский научно-исследовательский институт! Они вводили в раствор красителя один за другим разные препараты, но лавсан не поддавался упрочнению, ему просто нравилось оставаться белым. И опять вводились новые вещества, и опять результаты оказывались теми же.

Можно было махнуть рукой... Но решение задачи все-таки нашли! Полное положительное решение оказалось фенолят натрия — сероватая аморфная масса, несложное в производстве и очень дешовое, что также имеет немаловажное значение.

В красильной чаше комбината я видел груды лавсана — голубого, красного, зеленого, желтого... У худосюнов оказался богатый лавсан! И следует признать, что они отлично используют эту богатую лавсану. Ковры на лавсане радуют хороши рисунком и ярью, со вкусом подобранной гаммой цветов...

...Вот что можно узнать, знакомясь хоть и с несоблюдением, но все-таки самым простым ковром, сделанным руками человека.

И. ВАСИЛЬЕВ

Я знаю, какие у тебя глаза, как ты одет... Говорят, внешность человека, его акценты могут рассказать о нем многое. Я не вижу тебя. Я слышу твой голос...

— Любимыню стайкеку вы тисуем. «На разных языках называется. Так сказать, мы и Запад, мы, само собой, моладыи, мы лучше...»

Голос неторопливый, добрый... — Между прочим, как-то вы писали, что у нас начал выпускаться шубки из синтетиксы... Так вот, я слышала, в Америке их можно было купить еще лет десять назад...

Очевидно, ты слышишь, отключившись на стуле, саркастически пугившись...

— ...а в Западной Германии... Кто-то еще есть в компании. Ты работаешь на губайку?...

— ...а во Франции...

Ты говоришь правду. Действительно, американские раньше нас владая производством велюновых шубок, наш «экономроже» кое в чем превосходит западноевропейскую «Фольксваген», а наша губайка покада меньше популярна, чем французская «Котик»...

— Молчите! — с пророческим пафосом вопрошаешь ты где-то на другом конце телефонного провода. В голосе ничего похожего на беспечность. Нет, ты не прощаешься водооткатки, не горюешься. Ты открывено доволен. Ты говоришь правду, маленькую правду, за которой — я чувствую это кожей — таится какая-то большая лживая ложь...

Хочется посмотреть на тебя. — А зайдем к нам в редакцию.

— А зачем? — спрашиваешь ты со смешком. — Я и так знаю, что мы первые в космосе...

И вынешь трубку... —...Редакциям телефонном не приходится скучать. Веселый треск их прерывает нас на полуслове, заставляет отложить руку, даже

если нужно срочно готовить материал в номер, останавливает в дверях, когда мы стеним по неотложным делам. «Бесцеремонность» эта не раздражает. Ведь телефон звонит впросто: кому-то надо сказать редакции что-то очень важное...

Вот и сейчас. Не проходит и пяти минут, как я уже отвечаю какой-то девушке: — Да, конечно, мы еще будем писать о советских космонавтах.

— Передайте им привет от работниц «Трек-горки»!

За соседним столом товарищ листает подшивку, отыскивая заметку, в которой, как только что сообщила по телефону один читатель, есть неточности: после окончания института на работу в Целинный край решил поехать студент всего курса, а не одной группы...

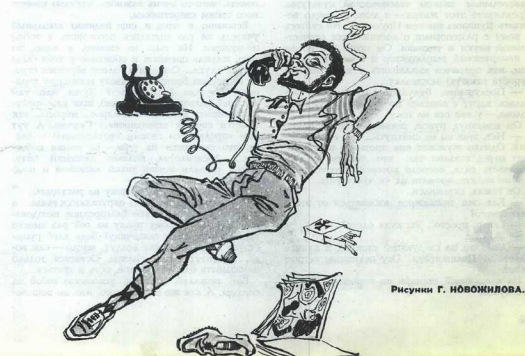
И вдруг твой звонок. Он словно из другого мира. Искусственн вынужденной тон, наполненное желью слова... И это последнее, глумливое, как подожка: «Зейтгит А затем...», — и короткие гудки — биип, биип — с издевательским смыслом: ты нисколько не потренился против истины. Твой «провад» закончился в том, что ты случайно... высморкался собеседнику на ладку... Это ничего. Тебе все ясно, ты имеешь свой взгляд на вещи и с удовлетворением лебавишь человека от неприятной необходимости читать тебе прописные истины...

Я уже встречал тебя однажды.

ОСА НА НОСУ

После промывала темноту. Ударяясь в окна ильчатицы, опти полуоткрыток, тут же отсклакивая прочь, и тогда кабаласы: откуда-то из ночной степи выскакивала шама, нося рядом за толпой стенок вагона и неистово колотив в тугой бокен...

Под стук колес хорошо думается, и порой

Рисунки Г. НОВОНИЛОВА.

большой удачей представляется молчаливый попутчик.

Мне не повезло. Человек говорил без умолку. Лицо в тени, мерцающий свет синего фонаря под потолком купе освещал острые колени, руки толстые, с длинными, нервными пальцами. Он рассуждал о жизни. Ему было девятнадцать лет. И все же нравился. Его окружат невостребованные ады с ограниченными запросами. Не смеяло лиз: они даже не знают, что написала Франсуаза Саган, и хлопочут глазами при упоминании о бальзамине... Он носил документы в ахтеркабину, но его не охватила радость перспектива учиться у адепта, не понимавшего, что в градостроительстве лишь модернизм способен излучившим образом выразить дух нашего атомного века...

Громом пробуждает попутчика ему на каждом шагу, как грибы после дождя. Он собирает поганки.

— И это называется радио! — возмущается, вертя ручку потрескавшегося репродуктора. — То ли дело карманный радиоприемник! Сам видел у одного американца...

В стране происходили великие события. Свалитесь горы, реки начинают течь вспять, и морские волны гуляют там, где прежде вставали суховей. Шла сталь новых муфтонов, в магазинах продавали хлеб, за которым вполне резонно было бы поставить штамп: «Сделано на целине», карта прорезана новыми названиями городов и поселков. Все это было наяву, вокруг него. Рядом с ним жили, дышали, копали по земле люди, побывавшие в космосе.

Но он видел только то, что можно рассмотреть в замочную скважину. Звучная фамилия западной посредственности служила ему оживительным знаком человеческой культуры. Предъявите этот жетон — и можете смело величать Пушкина именем Пруткова... Не суйтесь к нему с разговорными о достижениях отечественной науки и техники. Он ткнет вас носом в испорченный репродуктор и поделится опытом, как половце выключить у иностранного туриста пальчикове зажигалку.

— Послушайте, будущий архитектор! — свесился вперед с веревки полнокровный куцурная голова, — у вас оса на носу.

Он измахнул рукой, посмотрел недоуменно.

— Нет, так ее не смачивать... Оса-то невредима! Однако жулики она провинила и маневрирует перед глазами так, что за него вы не замечаете сада, посреди которого спите, прав-то не видите, аромата их не чувствуете...

Он вновь скривился.

— Как же прикажете избавиться от этого насекотого?

— Очень просто. Вы куда едете?

— В Сочи.

— Войдите на следующей станции и купите билет до Цхиньградра. Осу делайте ветром дуает.

На следующей станции он перешел... в другое купе...

«ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАСУХА»

«Что был не я...» — усмехнулся па. Да, конечно. Но почему после разговора с тобой мне вспомнились этот курортник по признанию?

В памяти ожидают все новые детали той встречи.

— Возообрази! — устранился за носом место здания «будущий архитектор» в аидо пожарной проводнице. — Прогнать засуху из поезда — ваша обязанность!

— Не имеет права запретить! Это вагон для курящих — выговаривая женщине, попросившей ее покинуть вагон...

— Ты можешь сказать: «Ничего такого я не делал»...

Да, так вол себя другой. Вас разделяла простота и время, вы не имели понятия друг о друге. И все же эти выкрики, это чинение правды приваляла тебе. Нет ничего обидного в чертах вапих али. Тем не менее вы близыте, что-то роднит вас больше, чем никих людей внешне сходство...

В одном садуном питомнике я видел дерево с пожелавшим листьями. Странно выглядело оно среди моря цветущих яблонь.

— Физиологическая засуха — скелет старей садаво! — Понимаете, навывалась на эти ветки солище, воздух, все бала небесная, а корень-то жидковатый, к земле не приуродился, не приклеил, соков вязть беспособен. Погибнуть может дерево.

С тобой, как с тем моим незадачавым попутчиком, как с кем-то еще, случалось то же.

Тебя одвадил, корыстал, учил в школе. Хлеб. В буфете, свежий, с хрустящей корочкой. Мясло!

В холодильнике, только руку протяжи. Испугался. Вот он черт-пророк. Двери его широко открыты. Не надо беспокоиться, где добыть денег, чтобы уплатить за обучение. Платит государство. Оно предоставляет тебе отпуски для подготовки к экзаменам, если ты захочешь учиться заочно. Оно пришет врача, стонг тебе поточувствовать легкое недомогание, направит тебя в санаторий, в дом отдыха, как посмалло прежде в пионерский лагерь.

Чужеродие у нас государство. За его широкой спиной ты можешь ничто не бояться. Оно делало и делает все, чтобы ты чувствовал себя здоровым, жизнерадостным, счастливым.

Ты привык к этому, как к свету дня. Но случалось так, что чего-то тебе не хватало, хотелось понять, что-то очень важного, отлочно известного твоим сверстникам.

Вспомни: и отец и еще недавно школьный учитель не раз пытались поговорить с тобой прив-мужски. Но ты... ты слышишь в кинотеатре жедра потычки, и обивание у тебя было острее слова... Сегодня в голове вертится строка из письма брата: «...привезу мешочек сала...» Желужо фотопарамет? Ну, как там дальше! Дальше, к сожалению, никак уже несущественные детали: «Заполарье... морозы... так хочется свежих помидоров...» Скушно. А тут еще «преледи» со своим «вотничком»: «...буга что слышится на тебе... не то, что слышится...» Десятилетия, полные аллинейн, бийги, труда, слагали жизнь такой ласковой и щедрой...

«Все ясно, па... Дай трену па раскома»...

У садаваску человека окутываются сама, а у тебя на лице этакое благородное негодование. Как! По какому праву на сей раз вместо тренки тебе дают попутчика! Ведь хлеб гулко стонет в природе, как воздух, асадо, как вода, вистуку! — как солонце! Остается только намазывать одно на другое, есть и греться...

Вот, пожалуй, главное, усвоение тобой на сегодня. А как же насчет того, что, не поше-

лив пальцем, ты получаешь в готовом виде все, о чем мечтаешь, ради чего отдавала жизни своим чувствам, своим настоящим людям. Ни разу не слышав об этом, ни чувством долга, ни устремленными совести ты себя не встретила. Ничего не поняла, не выносила, не выстрадала ты в окружающей действительности, и потому, хотя и пришла ее в наследство, она продолжает принадлежать тысячам людей, таящую утку как самое святое и прекрасное.

Светлое приврастает к земле, бросив шпечичное зерно в борозду, заложив кирпич в фундамент здания. Ты ничего еще не зрела, не построила, хлопилась под чужим ветром, ибо не за что тебе хвататься. Щедро облаканный теплом и светом, но лишены земных корней, ты наполнишь засухой сердце...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

«Мне не повезло, но мне повезло»...

сможет в это время, я при первой же возможности поспею к вам. Если же вы не придёте над Буrom. Сентябрь, воскресенье... Народу оказалось много: женщины, дети, военные, молодежь с предвзятой. Вниманье мое привлек мужчина лет сорока, в сером костюме, худощавый, с покоробившим висками. Осматривая крестик, он ухрюкнув выростом глаза. Все было понятно: на этих бастонах сражались герои...

В такие минуты не принято заговаривать с человеком, да еще с незнакомым. Но... не знаю, что тут сыграло роль: то ли профессиональное любопытство (подумалось: может, он из тех, кто воевал на этой земле?), то ли настоятельная потребность в каком-либо предмете, ускользающему из моих чувств... Я подошел.

— Ради того, чтобы взглянуть на эти камни, можно приехать с Дальнего Востока!

— Да... отсталовши ой... Жаль только, что кою-кому приходится ехать с противоположной стороны...

Часом позже, покидая пригласил, я снова узнаю его. Он открылся аверну черного «мерседеса». Заметив меня, предложил:

— Сидитекс. Вы иди в магазин в гостиницу? Ездая, думая каждый о своем.

— Судя по этой машине... нарушима я загнущеннее молчанье, — вам являюся жилось там, на противоположной стороне?

— Он посмотрел на меня с сожалением, усмехнулся:

— Милый человек... но вы знаете о моей жизни? — И уже серьезно сказал: — А по мнению судить не советую. Можете крепко убедиться...

Так мы прощаемся. Вечером того же дня он я показал мне свой необычный дневник — небольшой блокнот в картонном переплете. В нем было девять страниц записей. Первая записана в апреле 1945 года. Последняя — почти четырнадцать лет спустя. Дневник начинался словами: «Как я съез τελευταиной страной».

— Это, конечно, правда? — спросил я.

— Это правда. В банюду, в спорт, в которые кормил нас в лагере, фашисты подменивали опилки. Так вот я подсчитал, что за годы плена мы съели по телеграфному столбу...

После войны он остался в Западной Германии. Почему?

— Как сейчас, помимо записей, датированную июлем 1945 года:

«...солдаты плажи ина ледяная пустыня? Жизнь, как смерти? Мальчики требуют отступить...»

— Что это?

— Он объяснил: страх. Был лагерь за Эльбой для перебежчиков, были разговоры с американцами, с кокими-то прощившимися лодыжками, были «прошедшие свидания»: «В России прощившихся... Человек, едкая вырвавшийся из фашистского ада, недоадаменин физически и духовно, пришла все за чистую монету».

Через десять лет он вописал в блокноте: «Я... обмени. Все, что было, — вышло из моего склада из загона. Теперь у меня своя тефтер».

Две даты стояли в дневнике рядом: июль 1945-го и сентябрь 1955-го. А между ними... Обещанных плажей не было.

Вы знаете, что такое броуновчество? — спросил он... Замысливание. В разительный запах лямбды, озноб на рассвете, дрезвяний лед колбас в витринах... Простить вилася. Можно торговать. «Но купите ли отскажут?» — иди с своим прохолодом... Может, спланик воменет?»

Люди женятся по любви. Он женился от отчаяния. Немка-вдова годилась ему в матери. У нее был магазин и, как выяснилось, рок ледяной... Судя по записям, Костя сохранил, открыл атлас. Настал его черед считать доллары. Он яростно старался увеличить их. Год счет в банке. У подлезла зверская лютельный «мерседес». В коништа — обстояточка: двенадцать, предельно, сократил. В азартно приобретательства покула все, без расчета. Приехал, стал гоняться за диванками. Обещався турецким калатом, фигурками какашо восточных боков...

И вдруг случился неожиданный. Однажды обнаружил, что все ему оствертело и ничего не хочется.

Где-то умер индий. У него валяло золото... Да чего ждал этот старик?

Многозначительно молчала массивный сейф,

кряхтевшая на столбах фарфорные статуэтки... Впервые он подумал, что этот металлический шприц, чеховая книжка могут пережить его.

А газеты рассказывали страшное. Повесились женщины, какой-то зырянок отравил себя газом. Людям нечего было есть...

Наверное, им можно было помочь... деля денег, что-либо из этого дорогого тряпья. Он смотрел на свои забытые шкафы и испытывал такое чувство, словно причастен к убийству, к смерти. Люди нечего было есть... в России. Хотел спрятаться от них, от самого себя. Но куда? Громяк, так громяк, что на всей земле было слышно, вспоминала о себе Паскаль. Что там, как?... Попытка представить отдельные места и слышны еще один человек, выросший в привольной степи, теперь он не помнил, какая она, эта степь, веселой, как пахнет сеном, как звучит на закате песни колоколов... Живет и о чем эти песни — ничего не помнил... Жажда нужна пригнута в нем все человеческое, лишняя его живых представлений о дорогах, серодуль запах, запахах, красках...

— Но что дальше? Продолжить «делать» депрессию? Но сколько их можно «делать» и что можно на них купить? Еще один «мерседес»? Неужто ради этого забыл о нас: отчий дом, родные просторы, бабка?... Сейчас он был бы уже в Москве. Сидел бы в своем кабинете, пил чай, ел на улице, говорил бы: «Алексисо вам».

Так говорит сейчас тому Петьке «Архимеяду», с которым в школьные годы мечтали они стать медикими. Еще несколько лет назад, попался ему на глаза портрет в одном журнале. Там было сказано, что Петька умеет делать чудеса. А что умеет он, неуч, барышник? Дрожавшим пальчиками мусулит кредитки, ловко поворачивает бабки и покладывает крошечные кредитки. Кредитки, бабочки, бифидетски... бабочки, бифидетски, кредитки...

И это так называли «счастьем»? Его считали «любителем фортуны», ему отчаянно завидовали. Он ждал, как черья, и эта его жизнь» была предельно меткой для многих степенных людей...

«Жалок, жесток и страшен этот мир», — написала он в дневнике в феврале 1953 года. — Здесь не живут, а существуют. Даже те, у кого есть счет в банке и бабустий алмушки...

«...Бывало он сидел в кресле, стеллаж, старался отгородиться от всего, что стояло за ним... Политика сама вторглась в его судьбу».

Еще в первые месяцы жизни в «свободном мире» он позвонил в Берлинскому «Бюро». Там, в видах, как жаждя обогрешения превращает людей в зверье. Не замечал только, что все это не случайно, а закономерно. Причисляла себя к неудачникам и на том успокоился, хотя те же неудачи переживали почти все журналы...

Когда выбыл из «счастливышек», к нему пришла репортёрна...

Почему не приходили они раньше? Все объяснялось просто: он был одним из тех, для кого, в тефтер стал тем, о ком они обзваны были писателю. Он стал объектом политики.

«Смотри... указывала на него стейтка в газете... вот человек, которому Запад дал все. Верьте, вам тоже повезет...»

«...А вот и верили в фотугу, в «злой рок», надевался на чудо... Но тогда он твердо знал, что это ложь. Неудачников не становится меньше. «Злой рок» приобрелата все более осязаемые формы. Нет, не судьба была виновата, а сила, которую стражники не могут все продвигать и покусывать. Вывод интриганов: сам собой: если ты ничего не можешь изменить в этом мире, то надо поварить с ним!»

Эти настроения не устраивали тех, кто «делал» деньги. Домой, в родную землю, шел человек, туманно отрекшемся отившихся представителем «мыслелый эмиграции».

— Вы, кажется, собираетесь в Россию? Откажитесь от этого шага. Иначе... вам будет плохо...

Он указал «представителем» на дверь. Это случилось утром. А вечером его зверски избили на улочке. Попал в больницу. Там и пополнился в старом блокноте слова: «...Дальше так же... иди домой... и толькой мой!» Это была уже его собственная политика.

А вот и последняя запись в его дневнике. «Да отледа оставалась часы. Визну ждала подготовка машина. Весь день, всю ночь он будет гнать ее с огромной скоростью и с...

восходом солнца пресекать границу Родины... Не было бы плохо. Оскорбляемо молчали, стоя на своих местах, открытые пальмо шкафы и секретеры, надменно вычурно обитый шкаф сейфа... Он сидел за столом и писал:

«Дни, недели, годы... Безумно хотелось, чтобы все случилось, скадывалось у каждого по-своему, в зависимости от того, что делал, к чему стремился человек».

Я встречал людей, у которых никогда не хватало времени. Они часто выдыхали: «Опять не успел... Не успела выдохнуть интересную работу, доложить умную книгу, скопид в театр. Завтра

обязательно закончат то, что начали сегодня, и снова будут с волнением поглядывать на часы. Их жизнь как поновленная река. Счастливые люди! Счастливые вопреки послоние: «Счастье — это когда работаешь, не успевая».

Я никогда не следил за бегом часовых стрелок. У меня было слишком много свободного времени. Я мог бы иметь, но не имела любимого дела. Жизнь моя могла бы походить на такую вот шаровую молоток, не успевая...

Она бежала рубечком, обходя препятствия, терпясь без суда. Потом язык и ругачек, оставался лишь стоящая вода с земляным запахом алесены.

Мне нечем жаловаться. Отгадывался назад, ощущаю безмолвную пустоту, где не услышишь даже жда на крик отчаяния. Мелькают лица, проносятся видения seas, городов, звучит образы разговоров, будто все эти семидеять лет, а сюда в карман, пошевелю, неуступчиво неизвестно куда и зачем.

Семидеять лет... Что же осталось у меня в памяти о них? Хот бы искорка, что можно было обожать разговору... Переодевание блузочки. Пять дат, пять дней. Пять из шести тысяч. Они, как вехи на проходимом пути. Странные вехи. Вспоминаю картины фашистских коцкадерей, расширенные глаза клеветников, горький, раскисший взгляд голодного дельца, животное существование, испытываю боль утраченных иллюзий и разбитых надежд.

Давно! Пусть сгинет прошлое. Сегодня с ним покончено, Сегодня! Пусть отстанется в сердце нашу эту, шестой день века, открывающая первую страницу моей новой, человеческой жизни».

УЛЫБКИ НА ЛИЦАХ

Может, теперь тебе понятно, в чем состоит любовь? — спрашивает он.

«Достать бы нейдовую шубку!» — хихикает твой приятельчик. Ты метнешь о карманном радиоприемнике, но — у жас! — его тоже не оказывается в продаже... В довершение исск человек жалуется, что никак не удается достать уже несколько лет являющиеся счастливыми обладателями этих вещей. Сладко себе «открытые Америка», начинаешь снова доказывать, что по сравнению с криком думты ты пустышка, гитавляешься акроадам... В толпе стелняных слышен извечный стук ялик молчания, который не знает различия между «счастливыми обладателями» и счастливыми людьми, а жестко различает только выскочку каласы.

«... У них Прислушайтесь, как ты говоришь: «... у них автомашины лучше!» Слово «автомашины» оказывается у тебя при этом каким-то необязательным...»

Ты смеешься себя честным, а на самом деле лжешь. В этом нетрудно убедиться. Подальше своего «правды» с человеком, отведываешь «западного рока». Помайшас убедиться его, как это неслучилось, сест оттого, что ты не радиоприемник, но поинтересно. Говоришь: «...»

Не поучитесь у вас разговор! Не вылезайте вы соучастия даже у того, с кем мы говорим на разных языках, — у сколотившего капитализм и «буржуазного от жизни все» Фреда Осена, с

глаза. «Понимаете, чертовски интересно жить на свете!» — ответна была взгляд парня. «А ты «стаканчик» выделай!» «Выдай». «И все еще продолжаешь уламываться...» «Продолжаю». «А у тебя вот такой галстук есть?» «Эй, темнота... У меня стелки есть. Я сам их написал, сам! И они будут начистены. А теперь... уйди с дороги!» «Может, ты и не вретешься с этим парнем. Но такой молчаливый диалог весьма редок. Он провисит всюду, где бы ты ни появился. И его не превратишь, как телефонный разговор, простым волнением руки на рычаг.

Можно уйти от резких, прямых слов, но нельзя спрятаться от улыбок, всех понимающих человеческих глаз. Никуда не деться тебе от комочка в груди, парня, выискивающего свои первые стихи. Ты усомнился в его радости! Но чего доброго! Парень уламывается, он укуса от одной из впадин ценности жизни — испытай удовольствие оттого, что его труд признан, одобрен и будет отдан людям.

На Онежском тракторном заводе я видел, как старые рабочие поздравляли молодого слесаря с первой полуочкой. Глаза юноши сияли. Отчего? Можете, потому, что его похвалил деньги! Нет. Впервые расписались в бухгалтерской ведомости, юноша перестал быть изжиданцем, переступил черту, за которой начинается самостоятельная жизнь. Что может быть чудеснее этого опущения твердой почвы под ногами!

В Кривом Роге я стоял среди монтажников на площадке перед гитанской домной, сооруженной комсомольцами в полдню ХХII съезда партии. Крепкие, загорелые парни, задрав головы, смотрели на творение своих рук.

— А ж не верится! — сказал один. — Неужто построил эту громадину!

Надо было видеть лица ребят в эти минуты. Они светились гордостью: «Да, это не фантастика. Вот она, наша домна! Как же сильны мы, человеки, создавшие это чудо!»

И этого юношу с Онежского завода, эти парни в Кривом Роге ты хочешь уверить в том, что свет их трудовой победы может померкнуть перед ярко размазанной загрязненной тряпкой! Да они смеются тебе! И отнюдь не потому, что им, как ты, молчалив, не свойственно думать о красоте вещей. Осмеют за колесоную философию.

Хороший костюм... Кому это не приятно! Небольшая улыбка... Кто не хочет ее иметь! Глаза голубые как яблочки...

В одном заводском совхозе в Караеги я видел, как девушки озадали закрывший Маджарского аггаль, приехавшую принести заказы. Капризные, вдовь сказать, это были девчата. И такой фанас им не подошла и этакий не нравился. Привередничали они так, рассматривая не какие-нибудь пожелательные выкройки из бумажного судачка, а блестящие странички увеселю журналов мод с броской надписью «Весна — лето 1962 года».

Признаюсь, я подсаживал на эти чересчур

разборчивых заказчиц, подумав: «трашничать»...

А на другой день увидел, как они работают на фермах, с какой любовью ухаживают за зверюшками, записав несколько удивительных фраз: «Посмотри, как ослепела эта жеман!» — и досдак как не бывало. Нет, не стриничья они. Есть у них бывало, настоящее дело, есть гаубочко удовлетворение результатами своего труда, радость творчества... А история с фисовыми. Ну что ж, по большому счету жалко

А что есть у нашего девятнадцатилетнего старичка! На данном этапе его любимое «дело» состоит в нусании сапогов пера, какими-нибудь двенадцатичасовым «примок» в ангажеской или иной призывной выставке. Как нескря на свет фонаря, лывает он на блеск загрязненной фотки и, бессмысленно уставившись в одну точку, мавлет от восторга. Так можно заворожиться взглядом. Можно начево обречь свою душу, лишь бы подлиннее человеческих радостей, можно прогладить свое любимое дело в полном смысле этих хороших слов, прогладить как вышивку.

Отрываться от фотки, пока не позано, выйти на улицу, на свежий воздух надо юному старцу, глаза протереть, увидеть вот эти радостные улыбки на лицах конишей и девушек...

Хорошие у них настроения!

Вскоре после ХХII съезда партии мне довелось побывать в Красноярске, в бригаде молодых строителей. По вечерам ребята собирались в красном угловом залу читать партийную Программу. Читали ее, как захватывающую книгу о жизни, о своем будущем, о коммунизме. Парни и девчата говорили о новых, коммунистических отношениях, о том, каким будет человек, как изменятся, расширится круг его знаний, во всю мочь развернутся его способности в науку, в труд, в искусство, какой потрясающе интересной будет жизнь, и как это здорово — строить ее своими руками.

Маленький и жалкий, стоишь ты на виду у всех, словно пестрый игольчатый болванчик. Твое лицо негнет-да и промелькнет то в окне трамвая, то в курортном поезде, то в театре... Успокойся, тебе никто не собирается высказывать нам выводять за дверь. Ведь у тебя есть билет...

И тем не менее надо прямо сказать, что ты занимаешь чужое место.

Но жизнь наша добра, гуманна. Она не выростит тебя на голком полустанке и, несмотря на и на что, в конце концов сделает из тебя человека. Одного лишь нельзя будет вернуть — эти самые лучшие лет молодости, которые ты так бездумно разменивал на мелочи. Ничто не сможет заглушить голоса твоей совести. Она постоянно будет напоминать тебе о тех потерянных днях, когда ты плелся в стороне от столбовой дороги своего поколения. Но в этом жизни будет не виновата.

истории которого начнется твой телефонный звонок. Не придет от твоей сестры. Он уже знает, что есть на свете другая правда — правда советского слесаря Анничкова, который знает цену чему неизмеримо более дорогому в важном, чем собственной вылаз с думой «форда» в правду. От этой правды не спрячется от никуда, как не смог уйти от нее Владимир К.

И уж совсем одинок ты со своей жалкой сестрой среди тысяч и тысяч тысяч юных советников.

Может, наш герой не согласен с этим! В таком случае... Пусть погодит минуту. Снова звонит телефон.

— Как там мои стихи? — слышится голос в трубке — О монтажнике. Те, что я принес вам на даче. Вспомните:

Он не был, не занимался рути
От обиды, что в вуз не попал.
А теперь — радостой от науки —
От монтажных работ гетераль...

Примочино черноволосого паренка с потертым мехомочком.

— Примо с прееда и вам, — сказала он, переступив порог редакции. — На сессию приехал...

И тут же в двух словах изложил свою историю: москит, после десятилетия махува в Бронце. Учился заочно в институте. Ну и пробует писать...

— Помню ваши стихи, — отвечая я ему, — Будем печатать.

— Правда? Вот здорово!

Соворилось откровенно вилку, как, выскочив из автомата, идет он по алуодной московской улице. Идет с сияющим лицом, ошале от радости, от яркого солнца. Стучит по асфальту его грубые ботики, развеваются лоны выгоревшей куртки, и ослепляются, смотрят с улыбкой мои вслаз разборчивые московские девчата: такая сумасшедшица у него в глазах, что, кажется, вот-вот заплет парен.

Больше всего хочется мне, чтобы вывернувшись крива ута и столкнулся с ним лидер к лицу этакий Гамлет от американской этикетки. «Чому уламываешься?» — спросил бы его тоскующий

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНИ»

«ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЖЕНИ ГРИГОРЬЕВА»

В «Смене» № 18 за прошлый год были опубликованы дневник руководителя бригады монтажников труда Евгения Григорьевича и коллективное письмо рабочих электроаппаратного цеха № 708, в котором сообщалось о трагической гибели Жени от ружья и было высказано возмущение несправедливо низким приговором Курганского областного суда, осудившего убийцу Кулевова М. Д. к 15 годам, а его сообщника — рецидивца И.— к 5 годам лишения свободы.

В редакцию поступило более 600 писем читателей, которые с твердым требованием привлечь убийц к более строгой уголовной ответственности. Часть откликов читателей была использована в обзоре писем «Жить, как Жени! Работать, как Жени! Борьбу, как Жени!», опубликованном в «Смене» № 23 за 1961 год. Тогда же сообщалось, что по просьбе редактора «Смены» Е. С. Бандит Кулевова 16 января 1962 года в Красноярске состоялось заседание областного суда, в результате приговор Курганского областного суда был отменен и дело было направлено на новое рассмотрение.

Прокурор Курганской области В. Зирнов сообщил редакции, что за усыплением убийцы Кулевова Е. С. Бандит Кулевова 16 января 1962 года приговорен и высшей мерой наказания — расстрелу, а Кулезов за соучастие в убийстве осужден к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Когда не приходилось выдвигать, как машина «Скорой помощи» выезжает в расступившуюся толпу, как ловкие руки Фельдшера забирать пострадавшего на носилки, как еще через мгновение тревожная сирена слышится уже где-то вдалеке. А на месте происшествия не расторгнуть народ, шурт перестуи: «Довезут или не доведут?». Успехи на спасли пострадавшего.

Врачи решили ускорить оказание экстренной помощи больным. Они задумали создать специализированные машины, которые позволят в сложнейших случаях производить операции непосредственно на месте происшествия.

Скоро эту машину ничем не отличает от обычного автомобиля. Зато внутри — это настоящая медицинская кабинета, оборудованная передовыми приборами, которые легко вращаются в операционный стол. Комплект аппаратуры для искусственного дыха-

Больница на колесах

ния и переливания крови, аппаратура для выведения большого из шокового состояния и разнообразный набор хирургических инструментов одут возможность врачам спасти от смерти многих тяжелобольных.

Сейчас в Москве на Центральной станции «Скорой помощи» находится в эксплуатации первый образец такой специализированной машины, оборудованной на базе автобуса «ПАЗ». В скорое время на рижской станции «Скорой помощи» появится своя больница на колесах. Эта машина создается на базе микроавтобуса «Литва».

Еще это пока лишь планка. Впереди — серьезная работа над новыми специализированными машинами для оказания экстренной помощи на месте. С большим нетерпением ждут их медицинские работники в городах и поселках.

И чем скорее они появятся, тем лучше!

С. МАРИН

Тайна озера Сыралта

К северо-западу от устья Вилюйской долины многочисленных ручьев таинственно сверкает на берегу одного из них — Сыралта — низкий недвоякий проломный кусок глетцера. Это был бронзовый век, проявившийся в нем в виде осколка, несомненно тысяч лет. Как попал этот древнейший осколок в такую ликующую землю? Этот вопрос заинтересовал Николая Ивановича Афанасьева, заместителя учителя республиканского Боргоновского школы.

Афанасьев возглавил группу молодежи, которая провела недавно археологические раскопки в районе озера Сыралта. Под верхним слоем грунта был обнаружен большой глиняный осколок. На одной из его поверхностей отчетливо проступала причудливая рисунка. Вышеуказанный осколок, находившийся на нем орнамент характерен для бронзового века.

Васе были найдены и другие осколки гончарных изделий — несомненно, в древние времена здесь располагалась столица человека.

Помощью другого метода — предельно ребята. Афанасьев выбрал площадку на отлогом, чуть возвышенном берегу озера. «Надысь» здесь находилось несомненно жилище в полдворном грунте были найдены изделия из керамики. Из глубины выкопаны — убиты Афанасьев и полсилки. Таким образом, в настоящее время в эпоху позднего неолита.

На другой площадке, выбранной в стороне от озера, среди камней ребята нашли кусочек расплавленного металла, а также остатки руды и шпала. Возник вопрос: откуда же брали древние металлурги руду? Истребительности ее не оказалось. Ученики археологического похода решили пройти археологический Боргоновский район. И вот на берегах притоков Вилюй — Нунгарыма и Урчанги были обнаружены сырьевые базы старинных кузнецов.

Группа, возглавляемая Н. И. Афанасьевым, установила там, где бурный Вилюй сливается с горной рекой, расположенные поселения первобытных людей — от позднего неолита до начала железного века. Вскрытие могил молодых антагонистов представляет большую научную интерес.

В. НИКОЛАЕВ

г. Якутск.

ЭЛЕКТРОНИКА И ДОБЫЧА НЕФТИ

Знаете ли вы, что могут повысить температуру в буровых скважинах и тем самым уменьшить вязкость нефти, как мировая добыча черного золота возрастает примерно в семь раз? Ученым известно, что для этого необходимо в скважине создать ультразвуковую зону воздействия.

Кругом стана скважинный «элит» одиннадцатилетней грудой тепла. Но где звать его? Как доставить тепло в глубь скважины? Сейчас разрабатывается электронная система подогрева нефтяных скважин. Для этой цели создан ультразвуковой прибор, работающий на микроволнах. Излучение представляет собой шестиугольный столб диаметром в пятнадцать сантиметров, нитящийся от генератора к скважине. Соединяется в скважину, где и создает звуковой удар микроволновой энергии.

Самая необычная единица измерения расстояния существует в Древней Индии. Расстояние измеряют по предельной слышимости коровьего крика «му». В зависимости от условий местности (болотистая, равнинная и т. д.) одно «му» может равняться 300—500 метрам. Древнеиндийские жрецы специально упражняли свой слух, чтобы по крику птицы, зверя или человека можно было безошибочно определить, на каком расстоянии находится источник звука.

С. ФРОЛОВ

САМАЯ

Аннотаторной юнгой является издание в 1890 году в городе Падуе письмо Галлея Христофора де Борки, написанное ученым в 1615 году. Книжечка имеет размеры 15 на 11 миллиметров.

САМАЯ

Самый первый образ голубя — символ мира — появился еще до нашей эры. Согласно древнегреческой легенде, однажды бог войны не смог отправиться в поход только потому, что в его боевом шлеме свила себе гнездо и вывел птенца белая голубица.

Собрал С. ФРОЛОВ.

САМАЯ

Большой книгой можно считать изданную в 1669 году в Голландии географический атлас. Размеры атласа — 17,6 на 11,3 метра. В настоящее время атлас хранится в Британском музее.

САМЫЙ

древний на земле «геобриг» находится в египетском городе Луксор. На стенах храма, простоявшего более трех тысяч лет назад, художники запечатлели на граните все известные в древнем Египте полезные и вредные растения.

САМЫЙ

древний на земле «геобриг» находится в египетском городе Луксор. На стенах храма, простоявшего более трех тысяч лет назад, художники запечатлели на граните все известные в древнем Египте полезные и вредные растения.

КАК ТАКОЕ КАВИТАЦИОННОЕ

Согласно классической определению, это — турбулентность текучей жидкости. В месте сопряжения с движущимися твердыми телами в жидкости образуются мельчайшие пузырьки газа или пара, которые увеличиваются в объеме и превращаются в большие кавитационные пузыри. Несомненно эти пузыри сопровождаются сильными динамическими ударами. Такие удары преждевременно выводят из строя гидротурбины, жетонные насосы, серебряные вытк. Капал гидронасоса, например,

раскачанный на работу в течение десяти лет, разрушается всего чем за десять суток! А как бороться с кавитацией? К сожалению, до сих пор все способы борьбы с ней были малоэффективны. Решить проблему взялось сотрудники лаборатории кавитационного разрушения Удальского политехнического института. Они разработали новую марку специальной хромоникелевой стали, которая обладает удивительным свойством: кавитационные удары не только не разрушают ее,

но, наоборот, делают более прочной! Пласти турбин, изготовленные из такой стали, служат в пять — семь раз дольше, чем обычные. Кстати сказать, совсем не обязательно изготовлять любые детали целиком из хромоникелевой стали. Достаточно наплавить на детали слой определенной толщины. Кроме того, в содружестве с химиками были разработаны кавитационно стойкие сплавы. Этот материал обладает интересной особенностью. Добавленный в жидкость, он обволаки-

вает работающие детали, придает им вид жидкого металла, который как бы повисает с стороны детали, а часть — в сторону жидкости. Они и принимают на себя удары и разрушения, а детали кавитационного удара. В лаборатории могут показать две гильзы от дробящего морского буксира. Одна из них, работавшая в обычных условиях, прожужжала три дня. Другую обволакивали жидким металлом, и она действовала больше года!

Н. КАМОВ

ОУЧУЮСЬ НА ПЯТНО

ИГОТ ДЕВЯТОГО ТУРА

Предпоследний тур нашей шахматной олимпиады, которая проводилась в прошлом году, привнес успех наиболее выдающимся из участников: ведь действующие чемпионы — Г. Каспаров и В. Андерсон — были вынуждены отказаться от участия в турнире. В турнире участвовали 418 приглашенных спортсменов и зрителей. На 34 поединка разыграны туры.

В. Гурвич (г. Ленинград), Г. Адамс (г. Готтеслохе, ФРГ), А. Сидорова (СССР) и Н. Сиверва (г. Алматы) получили по 15 баллов по 20 возможностям; Г. Мурашев (с. В. Борк, Нидерландская область) и Л. Петрова (г. Козинко, Ленинградская область) — по 16 баллов;

С. Воронин (г. Маргрит, Югославия) и Г. Голи (г. Каршибаба) — по 15 баллов;

С. Нагорный (г. Ижевск) — по 14 баллов;

А. Григорин (г. Нахич, Азербайджанская ССР), А. Демурян (г. Ташкент) и Я. Раменков (г. Минск, Белорусская область) — по 13 баллов;

М. Колесников и А. Яруси (оба г. Польша-Ола) — по 12 баллов;

А. Ардагов (г. Курбюльен, Франция) и С. Мухоморов (г. Пермь, Пермская область), Г. Копельяк (г. Тамбов, А. Комаров (г. Барнаул), И. Логвинов (с. Тевтина, Краснодарский край), С. Мельниченко (г. Чебоксары, Окская область), С. Прушин (г. Рязань, Рязанская область), Р. Сетт (с. Виллово, Ленинградская область), В. Гурвич (г. Стара, Бразильская область) и С. Чичиков (г. Вологодский район, Московская область) — по 10 баллов;

В турнире, в котором предложены участникам задания шахматных композиций (внимательно проследите за комментариями А. Нимцовича) — победители междунационального турнира 1979 года в Кардасево, на котором эти партии были сыграны.

14. f4-f5 (вероятно, следовало сыграть f3-f4). 15. f3-f4 (вероятно, следовало сыграть f2-f3). Центральное поле e5 для черной кони. Белые по-прежнему имеют 16, 45 стратегических вариантов. Вот несколько из них: 1. f3-f4; 2. f2-f3; 3. f1-f2; 4. f4-f5; 5. f5-f6; 6. f6-f7; 7. f7-f8; 8. f8-f9; 9. f9-f10; 10. f10-f11; 11. f11-f12; 12. f12-f13; 13. f13-f14; 14. f14-f15; 15. f15-f16; 16. f16-f17; 17. f17-f18; 18. f18-f19; 19. f19-f20; 20. f20-f21; 21. f21-f22; 22. f22-f23; 23. f23-f24; 24. f24-f25; 25. f25-f26; 26. f26-f27; 27. f27-f28; 28. f28-f29; 29. f29-f30; 30. f30-f31; 31. f31-f32; 32. f32-f33; 33. f33-f34; 34. f34-f35; 35. f35-f36; 36. f36-f37; 37. f37-f38; 38. f38-f39; 39. f39-f40; 40. f40-f41; 41. f41-f42; 42. f42-f43; 43. f43-f44; 44. f44-f45; 45. f45-f46; 46. f46-f47; 47. f47-f48; 48. f48-f49; 49. f49-f50; 50. f50-f51; 51. f51-f52; 52. f52-f53; 53. f53-f54; 54. f54-f55; 55. f55-f56; 56. f56-f57; 57. f57-f58; 58. f58-f59; 59. f59-f60; 60. f60-f61; 61. f61-f62; 62. f62-f63; 63. f63-f64; 64. f64-f65; 65. f65-f66; 66. f66-f67; 67. f67-f68; 68. f68-f69; 69. f69-f70; 70. f70-f71; 71. f71-f72; 72. f72-f73; 73. f73-f74; 74. f74-f75; 75. f75-f76; 76. f76-f77; 77. f77-f78; 78. f78-f79; 79. f79-f80; 80. f80-f81; 81. f81-f82; 82. f82-f83; 83. f83-f84; 84. f84-f85; 85. f85-f86; 86. f86-f87; 87. f87-f88; 88. f88-f89; 89. f89-f90; 90. f90-f91; 91. f91-f92; 92. f92-f93; 93. f93-f94; 94. f94-f95; 95. f95-f96; 96. f96-f97; 97. f97-f98; 98. f98-f99; 99. f99-f100; 100. f100-f101; 101. f101-f102; 102. f102-f103; 103. f103-f104; 104. f104-f105; 105. f105-f106; 106. f106-f107; 107. f107-f108; 108. f108-f109; 109. f109-f110; 110. f110-f111; 111. f111-f112; 112. f112-f113; 113. f113-f114; 114. f114-f115; 115. f115-f116; 116. f116-f117; 117. f117-f118; 118. f118-f119; 119. f119-f120; 120. f120-f121; 121. f121-f122; 122. f122-f123; 123. f123-f124; 124. f124-f125; 125. f125-f126; 126. f126-f127; 127. f127-f128; 128. f128-f129; 129. f129-f130; 130. f130-f131; 131. f131-f132; 132. f132-f133; 133. f133-f134; 134. f134-f135; 135. f135-f136; 136. f136-f137; 137. f137-f138; 138. f138-f139; 139. f139-f140; 140. f140-f141; 141. f141-f142; 142. f142-f143; 143. f143-f144; 144. f144-f145; 145. f145-f146; 146. f146-f147; 147. f147-f148; 148. f148-f149; 149. f149-f150; 150. f150-f151; 151. f151-f152; 152. f152-f153; 153. f153-f154; 154. f154-f155; 155. f155-f156; 156. f156-f157; 157. f157-f158; 158. f158-f159; 159. f159-f160; 160. f160-f161; 161. f161-f162; 162. f162-f163; 163. f163-f164; 164. f164-f165; 165. f165-f166; 166. f166-f167; 167. f167-f168; 168. f168-f169; 169. f169-f170; 170. f170-f171; 171. f171-f172; 172. f172-f173; 173. f173-f174; 174. f174-f175; 175. f175-f176; 176. f176-f177; 177. f177-f178; 178. f178-f179; 179. f179-f180; 180. f180-f181; 181. f181-f182; 182. f182-f183; 183. f183-f184; 184. f184-f185; 185. f185-f186; 186. f186-f187; 187. f187-f188; 188. f188-f189; 189. f189-f190; 190. f190-f191; 191. f191-f192; 192. f192-f193; 193. f193-f194; 194. f194-f195; 195. f195-f196; 196. f196-f197; 197. f197-f198; 198. f198-f199; 199. f199-f200; 200. f200-f201; 201. f201-f202; 202. f202-f203; 203. f203-f204; 204. f204-f205; 205. f205-f206; 206. f206-f207; 207. f207-f208; 208. f208-f209; 209. f209-f210; 210. f210-f211; 211. f211-f212; 212. f212-f213; 213. f213-f214; 214. f214-f215; 215. f215-f216; 216. f216-f217; 217. f217-f218; 218. f218-f219; 219. f219-f220; 220. f220-f221; 221. f221-f222; 222. f222-f223; 223. f223-f224; 224. f224-f225; 225. f225-f226; 226. f226-f227; 227. f227-f228; 228. f228-f229; 229. f229-f230; 230. f230-f231; 231. f231-f232; 232. f232-f233; 233. f233-f234; 234. f234-f235; 235. f235-f236; 236. f236-f237; 237. f237-f238; 238. f238-f239; 239. f239-f240; 240. f240-f241; 241. f241-f242; 242. f242-f243; 243. f243-f244; 244. f244-f245; 245. f245-f246; 246. f246-f247; 247. f247-f248; 248. f248-f249; 249. f249-f250; 250. f250-f251; 251. f251-f252; 252. f252-f253; 253. f253-f254; 254. f254-f255; 255. f255-f256; 256. f256-f257; 257. f257-f258; 258. f258-f259; 259. f259-f260; 260. f260-f261; 261. f261-f262; 262. f262-f263; 263. f263-f264; 264. f264-f265; 265. f265-f266; 266. f266-f267; 267. f267-f268; 268. f268-f269; 269. f269-f270; 270. f270-f271; 271. f271-f272; 272. f272-f273; 273. f273-f274; 274. f274-f275; 275. f275-f276; 276. f276-f277; 277. f277-f278; 278. f278-f279; 279. f279-f280; 280. f280-f281; 281. f281-f282; 282. f282-f283; 283. f283-f284; 284. f284-f285; 285. f285-f286; 286. f286-f287; 287. f287-f288; 288. f288-f289; 289. f289-f290; 290. f290-f291; 291. f291-f292; 292. f292-f293; 293. f293-f294; 294. f294-f295; 295. f295-f296; 296. f296-f297; 297. f297-f298; 298. f298-f299; 299. f299-f300; 300. f300-f301; 301. f301-f302; 302. f302-f303; 303. f303-f304; 304. f304-f305; 305. f305-f306; 306. f306-f307; 307. f307-f308; 308. f308-f309; 309. f309-f310; 310. f310-f311; 311. f311-f312; 312. f312-f313; 313. f313-f314; 314. f314-f315; 315. f315-f316; 316. f316-f317; 317. f317-f318; 318. f318-f319; 319. f319-f320; 320. f320-f321; 321. f321-f322; 322. f322-f323; 323. f323-f324; 324. f324-f325; 325. f325-f326; 326. f326-f327; 327. f327-f328; 328. f328-f329; 329. f329-f330; 330. f330-f331; 331. f331-f332; 332. f332-f333; 333. f333-f334; 334. f334-f335; 335. f335-f336; 336. f336-f337; 337. f337-f338; 338. f338-f339; 339. f339-f340; 340. f340-f341; 341. f341-f342; 342. f342-f343; 343. f343-f344; 344. f344-f345; 345. f345-f346; 346. f346-f347; 347. f347-f348; 348. f348-f349; 349. f349-f350; 350. f350-f351; 351. f351-f352; 352. f352-f353; 353. f353-f354; 354. f354-f355; 355. f355-f356; 356. f356-f357; 357. f357-f358; 358. f358-f359; 359. f359-f360; 360. f360-f361; 361. f361-f362; 362. f362-f363; 363. f363-f364; 364. f364-f365; 365. f365-f366; 366. f366-f367; 367. f367-f368; 368. f368-f369; 369. f369-f370; 370. f370-f371; 371. f371-f372; 372. f372-f373; 373. f373-f374; 374. f374-f375; 375. f375-f376; 376. f376-f377; 377. f377-f378; 378. f378-f379; 379. f379-f380; 380. f380-f381; 381. f381-f382; 382. f382-f383; 383. f383-f384; 384. f384-f385; 385. f385-f386; 386. f386-f387; 387. f387-f388; 388. f388-f389; 389. f389-f390; 390. f390-f391; 391. f391-f392; 392. f392-f393; 393. f393-f394; 394. f394-f395; 395. f395-f396; 396. f396-f397; 397. f397-f398; 398. f398-f399; 399. f399-f400; 400. f400-f401; 401. f401-f402; 402. f402-f403; 403. f403-f404; 404. f404-f405; 405. f405-f406; 406. f406-f407; 407. f407-f408; 408. f408-f409; 409. f409-f410; 410. f410-f411; 411. f411-f412; 412. f412-f413; 413. f413-f414; 414. f414-f415; 415. f415-f416; 416. f416-f417; 417. f417-f418; 418. f418-f419; 419. f419-f420; 420. f420-f421; 421. f421-f422; 422. f422-f423; 423. f423-f424; 424. f424-f425; 425. f425-f426; 426. f426-f427; 427. f427-f428; 428. f428-f429; 429. f429-f430; 430. f430-f431; 431. f431-f432; 432. f432-f433; 433. f433-f434; 434. f434-f435; 435. f435-f436; 436. f436-f437; 437. f437-f438; 438. f438-f439; 439. f439-f440; 440. f440-f441; 441. f441-f442; 442. f442-f443; 443. f443-f444; 444. f444-f445; 445. f445-f446; 446. f446-f447; 447. f447-f448; 448. f448-f449; 449. f449-f450; 450. f450-f451; 451. f451-f452; 452. f452-f453; 453. f453-f454; 454. f454-f455; 455. f455-f456; 456. f456-f457; 457. f457-f458; 458. f458-f459; 459. f459-f460; 460. f460-f461; 461. f461-f462; 462. f462-f463; 463. f463-f464; 464. f464-f465; 465. f465-f466; 466. f466-f467; 467. f467-f468; 468. f468-f469; 469. f469-f470; 470. f470-f471; 471. f471-f472; 472. f472-f473; 473. f473-f474; 474. f474-f475; 475. f475-f476; 476. f476-f477; 477. f477-f478; 478. f478-f479; 479. f479-f480; 480. f480-f481; 481. f481-f482; 482. f482-f483; 483. f483-f484; 484. f484-f485; 485. f485-f486; 486. f486-f487; 487. f487-f488; 488. f488-f489; 489. f489-f490; 490. f490-f491; 491. f491-f492; 492. f492-f493; 493. f493-f494; 494. f494-f495; 495. f495-f496; 496. f496-f497; 497. f497-f498; 498. f498-f499; 499. f499-f500; 500. f500-f501; 501. f501-f502; 502. f502-f503; 503. f503-f504; 504. f504-f505; 505. f505-f506; 506. f506-f507; 507. f507-f508; 508. f508-f509; 509. f509-f510; 510. f510-f511; 511. f511-f512; 512. f512-f513; 513. f513-f514; 514. f514-f515; 515. f515-f516; 516. f516-f517; 517. f517-f518; 518. f518-f519; 519. f519-f520; 520. f520-f521; 521. f521-f522; 522. f522-f523; 523. f523-f524; 524. f524-f525; 525. f525-f526; 526. f526-f527; 527. f527-f528; 528. f528-f529; 529. f529-f530; 530. f530-f531; 531. f531-f532; 532. f532-f533; 533. f533-f534; 534. f534-f535; 535. f535-f536; 536. f536-f537; 537. f537-f538; 538. f538-f539; 539. f539-f540; 540. f540-f541; 541. f541-f542; 542. f542-f543; 543. f543-f544; 544. f544-f545; 545. f545-f546; 546. f546-f547; 547. f547-f548; 548. f548-f549; 549. f549-f550; 550. f550-f551; 551. f551-f552; 552. f552-f553; 553. f553-f554; 554. f554-f555; 555. f555-f556; 556. f556-f557; 557. f557-f558; 558. f558-f559; 559. f559-f560; 560. f560-f561; 561. f561-f562; 562. f562-f563; 563. f563-f564; 564. f564-f565; 565. f565-f566; 566. f566-f567; 567. f567-f568; 568. f568-f569; 569. f569-f570; 570. f570-f571; 571. f571-f572; 572. f572-f573; 573. f573-f574; 574. f574-f575; 575. f575-f576; 576. f576-f577; 577. f577-f578; 578. f578-f579; 579. f579-f580; 580. f580-f581; 581. f581-f582; 582. f582-f583; 583. f583-f584; 584. f584-f585; 585. f585-f586; 586. f586-f587; 587. f587-f588; 588. f588-f589; 589. f589-f590; 590. f590-f591; 591. f591-f592; 592. f592-f593; 593. f593-f594; 594. f594-f595; 595. f595-f596; 596. f596-f597; 597. f597-f598; 598. f598-f599; 599. f599-f600; 600. f600-f601; 601. f601-f602; 602. f602-f603; 603. f603-f604; 604. f604-f605; 605. f605-f606; 606. f606-f607; 607. f607-f608; 608. f608-f609; 609. f609-f610; 610. f610-f611; 611. f611-f612; 612. f612-f613; 613. f613-f614; 614. f614-f615; 615. f615-f616; 616. f616-f617; 617. f617-f618; 618. f618-f619; 619. f619-f620; 620. f620-f621; 621. f621-f622; 622. f622-f623; 623. f623-f624; 624. f624-f625; 625. f625-f626; 626. f626-f627; 627. f627-f628; 628. f628-f629; 629. f629-f630; 630. f630-f631; 631. f631-f632; 632. f632-f633; 633. f633-f634; 634. f634-f635; 635. f635-f636; 636. f636-f637; 637. f637-f638; 638. f638-f639; 639. f639-f640; 640. f640-f641; 641. f641-f642; 642. f642-f643; 643. f643-f644; 644. f644-f645; 645. f645-f646; 646. f646-f647; 647. f647-f648; 648. f648-f649; 649. f649-f650; 650. f650-f651; 651. f651-f652; 652. f652-f653; 653. f653-f654; 654. f654-f655; 655. f655-f656; 656. f656-f657; 657. f657-f658; 658. f658-f659; 659. f659-f660; 660. f660-f661; 661. f661-f662; 662. f662-f663; 663. f663-f664; 664. f664-f665; 665. f665-f666; 666. f666-f667; 667. f667-f668; 668. f668-f669; 669. f669-f670; 670. f670-f671; 671. f671-f672; 672. f672-f673; 673. f673-f674; 674. f674-f675; 675. f675-f676; 676. f676-f677; 677. f677-f678; 678. f678-f679; 679. f679-f680; 680. f680-f681; 681. f681-f682; 682. f682-f683; 683. f683-f684; 684. f684-f685; 685. f685-f686; 686. f686-f687; 687. f687-f688; 688. f688-f689; 689. f689-f690; 690. f690-f691; 691. f691-f692; 692. f692-f693; 693. f693-f694; 694. f694-f695; 695. f695-f696; 696. f696-f697; 697. f697-f698; 698. f698-f699; 699. f699-f700; 700. f700-f701; 701. f701-f702; 702. f702-f703; 703. f703-f704; 704. f704-f705; 705. f705-f706; 706. f706-f707; 707. f707-f708; 708. f708-f709; 709. f709-f710; 710. f710-f711; 711. f711-f712; 712. f712-f713; 713. f713-f714; 714. f714-f715; 715. f715-f716; 716. f716-f717; 717. f717-f718; 718. f718-f719; 719. f719-f720; 720. f720-f721; 721. f721-f722; 722. f722-f723; 723. f723-f724; 724. f724-f725; 725. f725-f726; 726. f726-f727; 727. f727-f728; 728. f728-f729; 729. f729-f730; 730. f730-f731; 731. f731-f732; 732. f732-f733; 733. f733-f734; 734. f734-f735; 735. f735-f736; 736. f736-f737; 737. f737-f738; 738. f738-f739; 739. f739-f740; 740. f740-f741; 741. f741-f742; 742. f742-f743; 743. f743-f744; 744. f744-f745; 745. f745-f746; 746. f746-f747; 747. f747-f748; 748. f748-f749; 749. f749-f750; 750. f750-f751; 751. f751-f752; 752. f752-f753; 753. f753-f754; 754. f754-f755; 755. f755-f756; 756. f756-f757; 757. f757-f758; 758. f758-f759; 759. f759-f760; 760. f760-f761; 761. f761-f762; 762. f762-f763; 763. f763-f764; 764. f764-f765; 765. f765-f766; 766. f766-f767; 767. f767-f768; 768. f768-f769; 769. f769-f770; 770. f770-f771; 771. f771-f772; 772. f772-f773; 773. f773-f774; 774. f774-f775; 775. f775-f776; 776. f776-f777; 777. f777-f778; 778. f778-f779; 779. f779-f780; 780. f780-f781; 781. f781-f782; 782. f782-f783; 783. f783-f784; 784. f784-f785; 785. f785-f786; 786. f786-f787; 787. f787-f788; 788. f788-f789; 789. f789-f790; 790. f790-f791; 791. f791-f792; 792. f792-f793; 793. f793-f794; 794. f794-f795; 795. f795-f796; 796. f796-f797; 797. f797-f798; 798. f798-f799; 799. f799-f800; 800. f800-f801; 801. f801-f802; 802. f802-f803; 803. f803-f804; 804. f804-f805; 805. f805-f806; 806. f806-f807; 807. f807-f808; 808. f808-f809; 809. f809-f810; 810. f810-f811; 811. f811-f812; 812. f812-f813; 813. f813-f814; 814. f814-f815; 815. f815-f816; 816. f816-f817; 817. f817-f818; 818. f818-f819; 819. f819-f820; 820. f820-f821; 821. f821-f822; 822. f822-f823; 823. f823-f824; 824. f824-f825; 825. f825-f826; 826. f826-f827; 827. f827-f828; 828. f828-f829; 829. f829-f830; 830. f830-f831; 831. f8

Бронислав КЕЖУН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

ЯМБЫ И КОРЕИ

Спать пишу
Традиционными ямбом
Весьма традиционные
Стежи...

В. ФИРСОВ (Из сборника
«Даль поэзия»)

Едва успева
В лозии родиться,
Когда зарю
Пролеви летушки,
И сев листья
По правилам традиций
Весьма традиционные
Стежи.
Чтоб до людских
Вдохнуться биографий,
В попутники
Я выбрала писателей
Традиционный ямб
И эвфорикини,
Традиционный датский
И корей.

Я не мечта
Вамито разношпоровым:
Традиционность
У меня в ямбе!
И обласован ямбом
Дополнением,
И старомодная
Рифмою заветной!

Тан трезит стих мой
Не селяционный, —
Весьма в ямбе не старец.
А юнец!
Я — селяционный!
И — традиционный!
И вот — ротационный,
наконец!

ОТВЕТ КОРОВЫ

Корова — что?
Корова — вядор...

Н. КОРОЛЕВА (На стихи
в журнале «Звезда»)

Я в толк чего-то не возьму,
Товарищ Инна Королева!
Сидишь: зачем и почему
Тысячи обнимаю короват?

«Корова — что? Корова —
вядор», —
Ты пишешь разное вядор,
А ты приходи из ситной двор,
И я поговорю с тобой!

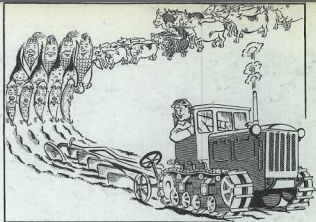
Ты удивительно легко
Видишь селяционный «короват»!
А не мое ли молоко
Ты пишешь на доброе здравье?

Чтоб не худеть во цвете лет,
Не ты ли полюбленным ямбом
Ешь аппетитный свой обед,
Обед с юмком, коровьям ямбом?

И я пишу тебе, ямбом,
Я не хочу тебе вядорить,
Но попросила бы тебя
Свои стихи слегка исправить!

Поправь их, будь столь дорожат!
Не ты ли вранья селяцион?
Тебя я вкисну на рога,
Почему легаста дитяем колготкам!
Итан, конечно! Будь дорожат!
Физкультпривет!

Твоя Корова.

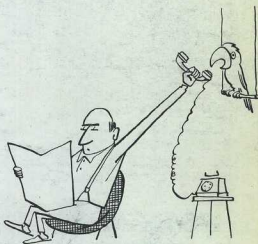
К изобилию на всех парах

Рисунки Л. Каравеева.

Рисунки В. Арсеньева
и В. Лозовского.

Рисунки Р. Оввианна.

ЦУПКИ-МАЛОТКИ

Иные ораторы поразительно
напоминают портыки зинти у них
свои, а материал чужой.

С. ФРОЛОВ

— Почему вы не хотите назна-
чить меня директором магазина?
Вы считаете, что я ни на что не
способен?

— Наоборот, я считаю вас на
все способным.

— Доктор, я десять минут си-
жу с высунутым языком, а вы и
не сморгните.

— Ничего. Мне нужно чтобы
вы помолчали, пока я заполню
карту.

В. МИЛУШКИН

